

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ
КРУГЛОГО СТОЛА**

**«НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

(22 марта 2019 года, г. Донецк)

Донецк

2019

УДК 161.201.3:082.2

ББК Ю4я43

Н 35

Национальная и гражданская идентичность: теория и практика:

Н 35 материалы заседания круглого стола, 22 марта 2019 г., г.Донецк. / ГОУ ВПО «ДонАУиГС», ГОУ ВПО «ДонНУ». - Донецк, 2019. – 76 с.

ОРГКОМИТЕТ КРУГЛОГО СТОЛА:

Председатель оргкомитета:

Гордеева Алла Валериановна – доцент, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии ГОУ ВПО «ДонНУ»

Сопредседатель оргкомитета:

Зырина Ярослава Александровна – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии управления ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Секретарь оргкомитета:

Головлева Елена Викторовна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления ГОУ ВПО «ДонАУиГС».

Члены оргкомитета:

Данилова Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления ГОУ ВПО «ДонАУиГС».

Ильина Татьяна Борисовна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ГОУ ВПО «ДонНУ»

Самотаева Элла Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления ГОУ ВПО «ДонАУиГС».

Яновская Лариса Владимировна – доцент, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ГОУ ВПО «ДонНУ».

Василенко Татьяна Дмитриевна – начальник научного отдела ГОУ ВПО «ДонАУиГС».

СОДЕРЖАНИЕ

Арушанян М.Р. Тоталитарная государственность как атрибут постсоветского государства	4
Баркалова И.Н. Культурный капитал: взгляд П. Бурдьё на социальную стратификацию	7
Барьяхтар О.Ф. Личностная идентичность в ситуации жизненных изменений.	9
Безгусько Н.А. Темпоральная идентичность личности в условиях социальных трансформаций	12
Бойко В.А. Постмодернистский дискурс идентичности	15
Вилюжанина Т.А. Структура и содержание гражданской идентичности	18
Головлева Е.В. К вопросу о динамике типа этнической идентичности.	21
Гордеева Н.В. Многомерность человека в эпоху модерна	25
Данилова С.В. Толерантность и идентичность как ориентиры развития	28
Дергунов Ю.В. Императивы перераспределения и признания в контексте политики идентичности	31
Емец И.А. СМИ как фактор формирования гражданской идентичности	33
Зырина Я.А. Ответственность как элемент рабочего места и фактор идентичности	37
Ильина Т.Б. Особенности самоидентификации студенческой молодежи	37
Кабаченко Л.С. Формирование идентичности человека общества постмодерна	41
Лох К.В. СОЦИАЛЬНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИТЕЛЕЙ ДНР	45
Руденко С.В. Социальная идентичность и временная перспектива студентов	45
Сабирзянова И.В. Проблема идентичности в формате постмодерна	49
Самотаева Э.А. Этический аспект гражданской идентичности	52
Скворцов Ю.А. Формирование советской идентичности населения Донбасса (на примере технической интеллигенции)	56
Стремоухов А.А. Роль национальной идеи и идеологии в формировании национальной идентичности	60
Струченков А.В. Статусная неконсистентность жителей Донецкой Народной Республики по уровню доходов	63
Сучкова Е.Ю. Еврейская идентичность в современном мире	66
Филатова И.Ю. Проблемы самоопределения национальной и гражданской идентичности	69
Яновская Л.В. Психологические факторы изменения идентичности	72
Яновский М.И. «Комплекс сверхчеловека» как разновидность структурной деформации я-концепции	72

ТОТАЛИТАРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК АТРИБУТ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

АРУШАНЯН М.Р.,

*ассистент кафедры социологии управления,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Несмотря на большое количество самых разноплановых работ, посвященных феномену тоталитаризма, многие аспекты изучения тоталитарной государственности продолжают оставаться весьма дискуссионными и требуют дальнейшего более углубленного и всестороннего анализа.

При всем многообразии аспектов в анализе проблематики тоталитарной государственности, которыми интересуются современных исследователи, в них можно обнаружить две явные доминанты: научную и идеологическую.

Исследователи, которые изучают феномен тоталитаризма как научную проблему, делают акцент на ее методологических основаниях. Безусловно, данные исследования нельзя рассматривать как чисто научные, без личностной составляющей авторского подхода, но наука как таковая в них все-таки выходит на первое место. Генезис, сущность, структура, формы проявления, типы тоталитаризма представлены в работах Х. Арендт, К.С. Гаднелева, И.Н. Рассохи, В.П. Римского, А.Г. Таубергера, В.Л. Хмылева, О.В.Шудры и других.

Большую часть все же составляют идеологически ориентированные работы. В качестве последних изысканий по идеологической «тоталитаристики» можно назвать работы Э.Я. Баталова, А.П. Бутенко, К.С. Гаджиева, Я.И. Гилинского, Ю.Н. Давыдова, Н.В. Загладина, М.Б. Золиной, Ю.И. Игрицкого, И.М. Клямкина, Р.Х. Кочесокова, Д. В. Полежаева, Н.В. Работяжева, П.Е. Студникова и другие.

Наряду с тем, что большое количество работ посвящено исследованию тоталитарной государственности в постсоветских государствах, в основном все они написаны в ключе идеологической «тоталитаристики». Методологический аспект изучения данной проблематики в этих работах освещен незначительно.

Целью данной работы является осмысление на уровне философского анализа атрибутов тоталитарной государственности, которые проявились в постсоветских государствах.

Происхождение термина «тоталитаризм», как правило, соотносят с толкованием позднелатинских слов «totalitas» (полнота, цельность) и «totalis» (весь, полный, целый).

Только после победы над нацистской Германией и ее союзниками западные политологи и политики стали говорить о Советском Союзе как о тоталитарном государстве. «Весьма важным идейно-политическим стимулом для устранения прежних препятствий и широкого использования понятия «тоталитаризм» применительно не только к фашистским режимам, но и к сталинской власти в СССР, к режимам в других странах «реального социализма», - отмечает А.П. Бутенко, - стала развернувшаяся уже после 1945 года «холодная война», способствовавшая... острому идеологическому противостоянию «социализма» и «капитализма» с использованием любых «подручных средств» [1, с. 26].

Со второй половины 40-х - начала 50-х годов ситуация кардинальным образом изменилась: в общественном сознании на Западе и в США за Советским Союзом прочно закрепилось «клеймо» тоталитарного государства, а термин «тоталитаризм» стал рассматриваться как синоним советской общественно-политической системы вплоть до ее распада.

Чтобы раскрыть идею государства как такового, совсем необязательно рассматривать все формы государственного устройства, которые известны человечеству. Как отмечал Гегель, «каждое государство, пусть мы даже в

соответствии с нашими представлениями объявляем его плохим, пусть даже в нем можно познать тот или иной недостаток, тем не менее, особенно если оно принадлежит к числу развитых государств нашего времени, содержит в себе существенные моменты своего существования» [2, с. 284-285].

Безусловно, каждая форма государственного устройства, базирующаяся на одном из приведенных выше средств, использует все другие средства, но лишь в качестве дополнения к основному [3, с. 77-78].

Когда большая часть населения формирует у себя должным образом гражданское начало и дифференцирует себя как целое на части, позволяющие проявить государственную власть в форме контроля, организации, управления и руководства, только тогда образуется *демократия* – действительная власть народа [3, с. 79-81].

В заключение следует отметить, что если нынешнее состояние общества определить формулой «посттоталитаризм – преддемократия», то тогда создание современной демократии предстаёт лишь только возможностью, которая в ближайшей время не сможет перейти в действительность, потому что нет для этого необходимых предпосылок. Более того, переход возможности в действительность не всегда открывает путь к более высокому уровню развития. Об этом свидетельствует опыт некоторых стран третьего мира, где были заимствованы западные образцы государственности, и это приводило только к тоталитарным последствиям. Но это отнюдь не означает, что в постсоветском государстве нет места демократическим силам, настроенным на преодоление последствий тоталитарной государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С. 26-37.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

З. Гаврилов М.І. Філософія демократичної державності. – Донецьк: «Вебер» (Донецька філія), 2007. – 380 с.

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ: ВЗГЛЯД П. БУРДЬЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРАТИФИКАЦИЮ

БАРКАЛОВА И.Н.,

*старший преподаватель кафедры социологии управления,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»*

Классиками изучения социальной стратификации считаются П. Сорокин, К. Маркс, М. Вебер, В. Парето, П. Бурдье и другие социологи, которые внесли свою лепту в разработку данного социального феномена. Учёные рассматривали дифференциацию людей и социальных групп, исходя из разных предпосылок, но в одном они сошлись – социальная стратификация является крайне сложным явлением и требует многостороннего рассмотрения. Нельзя выделить одну, универсальную модель разделения людей потому, что дифференциация происходит по различным, часто независимым друг от друга, причинам.

Кроме того, находясь на вершине общества по одному критерию, можно значительно уступать людям в других показателях, что исключает возможность стандартизации и унификации модели социальной стратификации. Расслоение базируется на политических, экономических, идеологических, культурных и символических факторах, что в постиндустриальную эпоху подкрепилось информационным обеспечением.

Поэтому сегодня, на основе изученных теорий, мы не можем говорить об уникальности какой-либо одной из них в ущерб остальным, ведь каждая прошла испытание временем и не один раз была интерпретирована в зависимости от складывающихся обстоятельств, что говорит в пользу их научности и актуальности.

Пьер Бурдьё – французский социолог, который работал над своими теориями уже в эпоху постиндустриализма, при котором экономическая борьба сменилась борьбой информационной, а промышленность и урбанизация уступила место образовательным процессам и научному знанию. Соответственно, если изменились ценности, то изменились и ограниченные ресурсы, доступ к которым является признаком социальной дифференциации – теперь доступ к знаниям и социально значимой информации является критерием расслоения общества и показателем социального положения людей. Следовательно, и противоборствующие классы собственников и тех, кто собственностью не владеет, превращаются в классы владеющих информацией и не владеющих.

В контексте сложившихся тенденций, П. Бурдьё разработал теорию культурного капитала и культурной идентичности, согласно которой теперь элиту представляют не самые богатые или властные люди, а те, кто обладает большим интеллектуальным, культурным и образовательным потенциалом. В них ценится не происхождение или объём денежного капитала, а уровень владения профессиональными навыками и высокая компетентность в своём деле, а классовая иерархия заменяется статусной.

Исходя из описанных предпосылок, можно отметить то, что культурный капитал, по Бурдьё, – это богатство в форме знания или идей, которое узаконивает обладание статусом и властью. К культурному капиталу относятся: образование (общее, профессиональное, специальное), соответствующие дипломы и учёные степени, полученные благодаря классовой позиции родителей. Кроме того, это языковая и культурная компетенция: чтение книг, посещение музеев, театров, концертов, освоение манеры речи и межличностного общения.

Но, несмотря на то, что ценностная ориентация приобрела другой вектор, экономический признак социального расслоения не утратил своего влияния. Он теперь работает в совокупности с культурным капиталом.

Другими словами, они являются взаимообусловленными потому, что, имея большой капитал, человек имеет больше шансов «накопить» и культурный капитал, обладая большими возможностями доступа к кладезям знаний и информации. Так, дочь профессора имеет больше шансов поступить в престижное высшее учебное заведение, чем дочь рабочего на заводе не потому, что она обладает большим объёмом денег, а потому что благодаря этим деньгам она имела возможность посещать дорогие курсы, престижные школы, ходить в галереи, театры, кино и музеи, путешествовать по миру, постоянно узнавать что-то новое и учиться чему-то незнакомому, что предоставляет гораздо больше шансов стать обладательницей обширного культурного капитала, чем доступ в Интернет и штудирование библиотеки [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ПостНаука. М. Соколов. Как всё устроено в академическом мире. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/courses/87602> (дата обращения: 16.02.2019).
2. Радаев В.В. Экономическая социология: учебное пособие / В.В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 610 с.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.

БАРЬЯХТАР О. Ф.,
*ассистент кафедры психологии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Актуальность изучения проблемы идентичности личности обусловлена социальной трансформацией, нестабильностью структуры общества, кризисными явлениями, которые происходят в течение последнего времени и отображаются в определениях «ускользающий мир» (Е. Гидденс), эпоха

«новой неопределенности» (Ю. Хабермас), «конец знакомого мира» (И. Валлерстайн).

Постоянные трансформации в обществе стимулируют людей к непрерывному развитию, желанию, с одной стороны, соответствовать социальным ожиданиям, с другой, сохранить свою личностную уникальность.

Ситуация жизненных изменений – это ситуация изменения фактических и гипотетических структур, идентичности человека, «изменения качества его присутствия в поле несбывшихся возможностей» (Выготский, 1982). Пребывание человека в ситуации жизненных изменений сопровождается поиском новых смыслов, новых целей и стратегий их достижения, а сложные жизненные обстоятельства требуют жизненного выбора и побуждают к принятию нестандартных решений.

Для изучения проблемы идентичности можно выделить несколько методологических подходов: 1. Системный подход – позволяет постичь целостность и сложность психики через нахождение смыслов, сущностей и динамических связей. Рассмотрение поиска смысла жизни является неотъемлемой составляющей процесса становления идентичности личности. Результатом этих процессов является жизненный выбор личности; 2. Феноменологический подход – приводит к пониманию интенций субъекта такими, какими они представляются самому субъекту; 3. Синергетический подход – позволяет реализовать возможность разработки междисциплинарного направления проблем идентичности: от эволюционного до социокультурного контекста [2].

Проработка проблемы идентичности личности в рамках психологии рассматривается в работах зарубежных (З. Фрейд, А. Адлер, Д. Бьюдженталь, Э. Эриксон, У. Джеймс, Э. Фромм) и отечественных ученых (К.А. Абульханова-Славская, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, В.А. Ядов).

Э. Эриксон, выделил три уровня идентичности как интегрального образования: индивидуальный, личностный и социальный. Сформированность личностной идентичности свидетельствует о зрелости человека. Э. Эриксон утверждал что идентичность – это социализированная часть «Я». [3]. Находясь в экстремальных, критических условиях войны, люди теряют ощущение целостности и непрерывности во времени, что приводит к внутренним конфликтам и противоречиям личности, которые Э. Эриксон характеризует как «кризис идентичности». Преодоление кризисов определяет последующее формирование идентичности и дальнейшую жизнь человека.

В условиях неопределенности человек теряет свое место в мире, а существование в контексте стремительных социально-экономических изменений становится фрагментированным. Представление человека о себе «рассыпаются на ряд моментальных снимков, каждый из которых должен вызывать в воображении, нести и выражать собственное значение, чаще не зависящее от соседнего кадра» [1]. Выходом из такой ситуации становится личность с аутентичным независимым «Я». Обеспечение целостности, тождества происходит благодаря эго-идентичности, которая исполняет адаптивную и защитную функцию.

Таким образом, исследование феномена идентичности личности в ситуации изменений, позволяет сделать вывод, что личностная идентичность становится интегральным ценностно-смысловым образованием, которое определяет стратегию взаимодействия с социальной средой и является важным ресурсом в трудных жизненных ситуациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева /З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография / Л. Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

3. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Знание, 1996. – 634 с.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

БЕЗГУСЬКО Н.А.,

*преподаватель кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»*

Социальные трансформации, которые приводят к качественным изменениям социальных структур, базовых социальных институтов при отсутствии отчетливой поступательной направленности и повышении роли субъективных факторов сопровождаются ломкой социальных стереотипов, изменением системы ценностей, кризисом идентичности. Последний характеризуется поиском своего места и роли личности в изменяющемся обществе, что делает актуальными вопросы, связанные с ее идентичностью. Особый интерес представляют темпоральные аспекты идентичности.

Идентичность – это категория, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей [1]. Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, “выбирая” который индивиды формируют свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями. В сверхсложных социальных организациях, каковыми являются современные индустриальные общества, идентичность имеет множественный характер. В процессе социализации индивид научается справляться со многими ролями и, соответственно, имеет множество “идентичностей” [там же].

В зависимости от того, что выступает основанием идентификации, можно выделить различные типы социальной идентичности, в том числе и

идентичность темпоральную, под которой следует понимать осознание личностью времени своего существования. Емелин В.А. и Хостов А.Ш. утверждают, что определяя идентичность как феноменологическое переживание индивидом принадлежности/непринадлежности к общностям, контролируемости/ неконтролируемости ситуаций, предсказуемости/ непредсказуемости событий, мы не можем рассматривать ее вне культурно-исторического хронотопа [2]. Любая идентичность является результатом осознанного выбора и должна включать в себя, в том числе и временную характеристику этого выбора. Важно установить модели такой идентификации.

В зависимости от особенностей восприятия человеком социального времени, вектор темпоральной идентичности может быть направлен в прошлое, будущее или находится в настоящем. Соответственно с точки зрения характера восприятия социальной действительности людей можно условно разделить на три группы: «людей-прошлого», «людей-будущего» и «людей настоящего» [3]. «Люди прошлого» не желают видеть никаких изменений в наличной социальной действительности. Прошлое держит их в плену исходного, сковывая все изменения привычным традиционным мировосприятием. Эти люди живут в прошлом, не нуждаясь в будущем, не принимая его. Прошлое обладает необходимыми для эффективной идентификации качествами устойчивости и проверенности временем, а также обладает эмоциональной привлекательностью, связанной с переживаниями событий прошлого, например детства. Данная модель идентификации актуализируется в период нестабильности общества, утраты ориентиров в отношении будущего. «Люди настоящего» запечатлевают пространственные и временные границы наличной данности только в рамках «здесь» и «теперь». И эту данность они фиксируют в застывшем виде, не продлевают ее во времени и не воспринимают как процесс [3]. Данная модель идентичности характеризуется неверием в положительные изменения в

обозримом будущем, желанием переложить ответственность по решению насущных проблем на власть. Слабость этой модели в том, что настоящее в полном смысле возможно лишь как достаточно краткий момент, динамически его не существует и оно неумолимо сдвигается либо в прошлое, либо должно специальным образом поддерживаться в будущем [2]. «Люди будущего» склонны простой проблеск новой реальности принимать за полное ее осуществление. Как правило, по духу они либералы/радикалы разного толка, которые способны запросто выдавать желаемое за действительное, во имя будущего легко освободиться от прошлого и жертвовать настоящим [3]. Отсутствие желаемого в настоящем не является достаточным аргументом, ведь всегда можно предположить, что оно находится в обозримом будущем. По мнению Емелина А.А. и Тхостова А.Ш. можно также выделить дисформативную модель идентичности связанную с затруднением выбора какого-либо из векторов развития, сопровождающегося ощущением неукорененности, асоциальным или аутистическим поведением [2]. Такая неукорененность может компенсироваться различными маргинальными, виртуальными и другими формами идентификации: религиозными или псевдорелигиозными течениями, субкультурами, уходом от действительности.

В современном обществе трудно найти абсолютно достоверную, непротиворечивую модель темпоральной идентификации. В различные периоды развития общества актуализируется тот или иной ее вектор. В период же социальных трансформаций можно говорить о наличии смешанных, взаимопроникающих моделях идентичности прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2010. - Т. 1.- 744 с.

2. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности// Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115–125.

3. Гаврилов Н.И. Философия для пользователя. – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2012. – 539 с.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

БОЙКО В.А.,

*ассистент кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»*

На данный момент очевидно, что человечество находится в процессе перехода к новому типу общества. Основными чертами новых форм социального устройства можно назвать высокую сложность социальных связей и возрастающую скорость социальных процессов, неоднородность и стремление создать единую социальную систему для всего человечества. Как следствие возникает кризис идентичности, поскольку процесс трансформации затрудняет отождествление и различение личности. Иными словами невозможно создать социальный образ себя, адекватный окружающей социальной действительности.

Специфика эпохи постмодерна детерминирует ракурс проблемы идентичности, как и точку зрения на социологию вообще. Кризис модерна как идеологии, сформированной эпохой Нового времени, совпадает с трансформацией индустриального общества в информационное. Постмодернизм как идейное выражение эпохи Постмодерна описывает аспекты трансформационного процесса, отказываясь от любого рода классификаций и типологий. В целом установка на описание взамен категоризации – ведущая черта постмодернистского дискурса, что должным образом отражается и на трактовке в нем феномена идентичности.

Специфика постмодернизма характеризуется установкой на множественность, децентрацию, процессуальность, делимость и фрагментарность, нестабильность, изменчивость, проективность, коммуникативность и т.д., что можно сказать и об идентичности. Постмодерная идентичность отказывается от тождественности в пользу артикуляции индивидуальности, отличности. Это процесс становления и постоянной возможности выбора в мультисубъектной социальной среде. Это право не отождествлять себя с социальной группой или патриархальным авторитетом, а быть собой и познавать пределы своих возможностей. Такая установка затрудняет политическую, гражданскую, этническую идентичности. В Докладе ООН о человеческом развитии за 2004 год постулируется призыв выйти из жестких рамок идентичности, что выражается в свободном, осознанном выборе культурной среды независимо от рождения, возможности отождествления себя с различными группами и т.д. [4].

Возможность выбирать из ряда разных культурных и цивилизационных типов приводит к конфронтации, что делает возможным различные политические спекуляции. В итоге культурный плюрализм с точки зрения индивида требует упорядоченности и организации. С одной стороны, постмодернизм постулирует идентичность индивидуальности, раскрывающей пределы своих возможностей (П.К. Гречко) [2]. Вместе с тем исследователи говорят о неумении современного человека формировать подобный тип идентичности. Кризис заключается в том, что человек отождествляет себя с пустым означающим, симулякром (Э.А. Орлова) [5].

Социальный и социологический кризис, акцентируемый в постмодернистских теоретизированиях, подразумевает новую интерпретацию идей социологии. В критике фрейдизма и психоанализа Ж. Делёз и Ф. Гваттари освобождают индивида от репрессивных канонов культуры и ее

жестких рамок, легализуя импульсы и желания и согласовывая их с производительными силами общества [3].

М. Фуко рассматривал индивида, который выходит за рамки своей самости, актуализируется в контексте, коммуникации, во взаимодействии с другими. Таким образом индивид «рассеивается в процессуальности дискурсивных практик», становясь функцией дискурса [2, с. 177].

З. Бауман позиционирует состояние постмодерна как оппозиционное состоянию модерна. Индивид формирует свою идентичность в условиях культурного плюрализма, отсутствии рационального порядка и общей для всех морали и, как следствие, «моральной амбивалентности», морально-этических дилемм, принятии явлений без их объяснения и отказа от любой формы контроля [1].

Э.А. Орлова отмечает, что в постмодернистском дискурсе идентичности не учтена социальная природа личности. Идентичность представлена как «субстанциональный смысл», игнорируется ее природа как «механизма преемственности применительно к анализу развития личности» [5, с. 105].

Таким образом, постмодернистским социологическим теориям характерна индивидоцентричность. Идентичность в них позиционируется как процесс свободного выбора разнообразных ее форм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/95>
2. Гречко П.К. Идентичность — постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. М., 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности. С. 175-176.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672 с. (Philosophy).

4. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2004-russian.pdf>

5. Орлова Э.А. Концепции идентичности\идентификации в социально-научном знании/ Вопросы социальной теории. Том 4. С. 87-111 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/05.pdf>

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ВИЛЮЖАНИНА Т. А.,

к. психол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

По определению А. Тэшфела, социальная идентичность – часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. Гражданская идентичность – составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, и основанное на признаке гражданской общности, характеризующем ее как коллективного субъекта.

Анализ литературных источников позволяет сделать вывод, что вопросы формирования гражданской идентичности – актуальная, но недостаточно теоретически и эмпирически разработанная сфера исследований. Гражданская идентичность является фактором политической, духовной консолидации, единства общества. Именно этот аспект чаще всего выступает на первый план в большинстве отечественных научно-исследовательских работ, посвященных данной проблеме [3]. Кроме того,

исследуются и другие аспекты гражданской идентичности: реализация базисных потребностей личности в принадлежности к группе (Т.В. Водолажская); политическая активность, гражданское участие, чувство гражданской общности (И.В. Конода); тождественность личности статусу гражданина, готовность выполнять гражданские обязанности, принимать активное участие в жизни государства (М.А. Юшин).

Формирование гражданской идентичности как предпосылки становления гражданского общества и солидарности – стратегическая задача при построении молодой Донецкой народной республики.

В формировании гражданской идентичности ключевую роль играют государство, СМИ и пр. Сложность формирования гражданской идентичности состоит в том, что на ней напрямую отражается политика государства – в виде целенаправленного воздействия на патриотические чувства граждан и как спонтанный эффект, возникающий вследствие эффективности или неэффективности государства в обеспечении нормальной жизнедеятельности сообщества. На гражданскую идентичность очень сильно влияет наличие и степень выраженности социокультурных, территориальных и социальноэкономических расколов[4].

Функции гражданской идентичности: интеграция в единую общность; самореализация и самоактуализация личности в социально значимых видах деятельности; реализация аффилиативной потребности в принадлежности к группе.

Структура гражданской идентичности представлена тремя элементами: когнитивный – знание о гражданской общности, о символике, партиях, общественных движениях, характере взаимоотношений гражданина и государства и граждан между собой; ценностный – наличие позитивного/негативного отношения к факту принадлежности, положительное отношение к Отечеству, к человеку как гражданину, наличие/отсутствие для человека личностного смысла этих

элементов, их значимость; эмоциональный – принятие/непринятие гражданского сообщества в качестве группы членства, чувство гордости или стыда, вызванные принадлежностью к гражданской общности. А.А. Логинов в структуре гражданской идентичности выделяет деятельностный компонент, содержание которого образуют реализация гражданской позиции в действиях и поступках, гражданская активность [2].

Формировать гражданскую идентичность – способствовать осознанию себя гражданином, принятию принадлежности к гражданской общности на основе знания и фиксации прав и обязанностей. А.Г. Асмолов выделил следующие характеристики личности как представителя гражданского общества: уважительно относится к историческому прошлому своего Отечества и разделяет ответственность за ее судьбу в настоящем; гражданский патриотизм; ценностное отношение к традициям и нормам своей культуры; открытость человека для диалога с представителями иных культур и убеждений; толерантность и великодушие к другому видению мира и др. [1, с. 410].

Таким образом, целостная форма гражданской идентичности проявляется в политической и гражданской активности личности, выполняет защитную функцию и функцию самореализации и самоактуализации. Базовым механизмом формирования гражданской идентичности является патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Асмолов А.Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // Лидеры образования. 2007. № 6. С. 410.
2. Безгина Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 3. Ч.1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 241-249.

3. Павлишина Д. С. Гражданская идентичность современной российской молодежи: факторы и проблемы формирования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 826–830. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/970492.htm>.
4. Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации Российского государства // Полис. 2011. №3. С. 141-163.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ТИПА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.

ГОЛОВЛЕВА Е.В.,
доцент, к.психол.н.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»*

Проблемы этнической идентификации в современной науке изучены достаточно глубоко. Однако исследования в этой области характеризуются многоплановостью.

В современной отечественной психологии при изучении этнической идентичности делается акцент на тех изменениях, которые происходят в ней в эпоху коренных социальных преобразований (Лебедева Н.М., 1999; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У., 1996; Солдатова Г.У., 1998; Рыжова С.В., 1995; Павленко В.Н., Корж Н.Н., 1998; Ионин Л.Г., 2000; Сикевич З.В., 1996).

Выделение этнической идентичности как особого психологического феномена было длительным, и до сих пор в современном научном мире идут споры, касающиеся содержания понятия «этническая идентичность».

Стефаненко Т.Г. определяет понятие «Этническая идентичность», как осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности; оценка значимости членства в

этнической общности, разделяемые в ней этнические чувства. Она упоминает о том, что этническая идентичность – есть отождествление себя с одной этнической общностью и отделения от других этнических общностей не только на осознаваемом, т. е. поверхностном уровне, но и на более глубоком – неосознаваемом уровне [1].

Так же, Татьяна Гавриловна обращает внимание на различность понятий этничность и этническая идентичность. Этничность – это социологическая категория, которая относится к этнической принадлежности. Разница этих понятий состоит в том, что этничность приписывается обществом индивиду, а этническая идентичность – достигается индивидом процессе конструирования социальной реальности, но не сводится к ней. [1]

Вслед за Стефаненко Т.Г., мы считаем необходимым выделить такое понятие как декларируемая идентичность – это причисление себя к этнической общности, но по сути, индивид может не являться членом этой этнической общности.

В последнее время в науке принято выделять как минимум 7 типов этнической идентичности:

1. **адекватная идентичность.** Образ своего народа воспринимается как положительный, проявляется соответствующее отношение к его истории, культуре, менталитету;

2. **этноцентрическая идентичность** — акцентирование личности на собственную этничность, ее безусловное некритическое предпочтение, восприятие жизни других народов сквозь призму культуры, традиционных установок и ценностных ориентаций своего этноса;

3. **этнодоминирующая идентичность** — тип идентичности, при котором этничность является наиболее предпочтительной перед всеми другими видами идентичности (гражданской, политической, профессиональной и др.);

4. **этнический фанатизм** — такой тип идентичности, при котором проявляется готовность идти на любые жертвы и действия во имя этнических интересов и целей;

5. **этническая индифферентность** — тип идентичности, характеризующий людей, практически равнодушных к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов;

6. **этнонигилизм** — обычно проявляется в форме космополитизма и представляет собой отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей;

7. **амбивалентная этничность** — слабо выраженная этническая идентичность, или «двойная» идентичность [2].

Развитие ситуации на территории Донецкой Народной Республики в последние 5 лет привели к трансформации в понимании собственной этнической идентичности среди населения.

Так, например, Черкашин К.В. в своем исследовании в 2016 году показал, что большинство жителей Донецкой области отождествляет себя со славянским населением, и переход от русских к украинцам и обратно (как схожим народам) ранее осуществлялся весьма легко. Однако на момент исследования налицо тенденция роста доли русских, эта идентичность явно доминирует в республике (украинцами себя считает треть населения). В связи с произошедшими политическими событиями и боевыми действиями в дальнейшем такой лёгкий и масштабный переход представляется затруднительным. Категория «украинец» на данный момент не обладает чёткими «этническими маркерами» и является скорее территориальной (рождённые в СССР или на Украине) [3]. Другими словами, мы можем говорить, что преобладала скорее амбивалентная этничность.

Однако проведенное нами исследование показало уже несколько другие результаты. Если для более старшего поколения (старше 35 лет)

результаты оказались сходными с исследованием Черкашина К.В. – так же преобладает амбивалентный тип идентичности. С одной стороны, опрошенные нами респонденты, говорят, что ранее считали себя украинцами, но в связи с последними событиями причисляют себя к русским. В то же время указывают, что и при других условиях они скорее причисляли себя к славянам, не разделяя на русских и украинцев.

Несколько иная ситуация оказалась при анализе суждений в группе молодежи (18-35 лет). Во-первых, обратил на себя тот факт, что более 30% респондентов этой группы говорили о том, что считают себя либо жителем ДНР, либо жителем планеты Земля, не относя себя ни к какой нации, объясняя свою позицию обидой и разочарованием в сложившейся политической ситуации. Еще около трети (27%) опрошенных указывали, что им абсолютно безразлично, к какой нации они относятся, они не хотят вникать в ситуацию, происходящую вокруг них и устали от постоянного давления.

Другими словами мы можем говорить о том, что эти две группы респондентов демонстрируют этническую индифферентность и этнонигилизм, как бы отгораживаясь таким образом от происходящих вокруг них политических событий.

Однако 43% молодежи четко могли указать национальность, к которой они себя относят, при этом среди них большая часть считает себя русскими (60%) или «правильными», «непродажными» или «восточными» (цит.) украинцами.

Таким образом, мы можем говорить, что трансформации в этнической идентичности не в последнюю очередь связаны с политической ситуацией. При этом, в более старшем возрасте данные трансформации происходят медленнее и сама этническая идентичность является более устойчивой и осознанной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. - с. 368
2. Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов М.: Проект, 2002, с. 352
3. Черкашин К.В. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014—2016) [интернет ресурс] режим доступа: <http://politinform.su/sociologiya/69683-dinamika-etnicheskoy-samoidentifikacii-zhiteley-donbassa-20142016.html> дата посещения 10.03.2018

МНОГОМЕРНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ МОДЕРНА

ГОРДЕЕВА Н.В.,

*заведующий кафедры психологии,
доцент, кандидат психологических наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В современном мире наблюдается рост интереса к проблеме идентичности, что связано с существенными изменениями, происходящими в современном мире. Как точно пишет один из величайших мыслителей Зигмунт Бауман: «...идентичность становится призмой, сквозь которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [2].

Эпоха модерна лишила человека типичной для традиционного общества определенности существования, связанной с его стабильным местом в социальной структуре. Сейчас же – отождествление индивида не определяется исключительно его социальными ролями, сословной или даже классовой принадлежностью. Индивидуализация как следствие модернизации общества достигла нейтральных форм, часто переходя на уровень дефрагментации общества и потери индивидуумом четких измерений своего существования. Эти тенденции становятся особенно

рельефными в условиях глубокой общественной нестабильности, который переживают современные общества.

Так, переход к эпохе второго модерна сопровождается изменением доминирующего типа или модели человека. Аналитическая модель современной, современной личности, обоснованная А. Инкелесом в ходе сравнительного исследования шести развивающихся стран, в современных условиях требует существенной корректировки [1-2]. В таблице 1 приводятся черты, присущие человеку эпохи первого и второго модерна. Свойства человека первого модерна иногда находят свое дальнейшее развитие, обостряются и усиливаются в эпоху позднего модерна, но часто выступают их противоположностью.

Таблица. 1.

Характеристики двух моделей современного человека - эпохи первого и второго модерна

Модель человека первого модерна	Модель человека второго модерна
Открытость инновациям, изменениям, экспериментам.	Склонность к постоянным изменениям приобретает крайние формы.
Готовность к плюрализму мнений и даже до принятия такового.	Плюрализм и толерантность сочетается с возрожденными формами ксенофобии, а также навязанным потребительским обществом конформизмом жизненных установок и моделей поведения.
Ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономия времени, пунктуальность.	Будущее теряет свою привлекательность, существование почти исключительно в состоянии настоящего.

Уверенность в возможности контроля над проблемами в различных сферах жизнедеятельности.	Потеря уверенности в собственных силах, рост тревоги, чувство опасности и риска.
Планирование будущих действий ради достижения поставленных целей в общественной и личной жизни.	Отказ от долгосрочного планирования и достижения перспективных целей, осознание неуверенности бытия.

Так, А. Инкелес подчеркивал целостность представленной выше модели современного человека, считая, что все свойства тесно связаны друг с другом, создавая единый «личностный синдром». То есть, по словам самого исследователя: «...если у человека есть одна из перечисленных характеристик, то скорее всего окажутся и другие. Другими словами, мы верим, что можно говорить не только о тех, кто наделен отдельными современными характеристиками, но и о людях, которых правомерно назвать современными» [1]. Очевидно, что такое суждение о существовании целостного и непротиворечивого по своим базовым ценностно-мировоззренческими характеристиками типа человека могло возникнуть только в эпоху классического модерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алекс Инкелес «9 признаков современного человека»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://socialego.mediasole.ru>
2. Модерн, анти-, пост-, и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://scibook.net>

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ

ДАНИЛОВА С.В.,
*доцент кафедры социологии управления,
кандидат психологических наук
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Современный этап развития человеческого сообщества характеризуется обострением межнациональных, геополитических, религиозных, этнических противоречий, которые ставят нас перед выбором противоречивых целей развития: как быстро измениться и как при этом сохранить собственную идентичность, как перейти к экономике, основанной на конкуренции, и сохранить духовное единство и т.д.

В кризисные периоды возрастает неопределенность, тогда обществу и человеку требуются дополнительные ресурсы для выхода из сложной ситуации. Судьба человека и государства во многом зависит от того, насколько общество будет руководствоваться конструктивными стратегиями мышления и деятельности, демонстрируя терпимость и способность к компромиссам при решении разнообразных вопросов.

Однако, несмотря на то, что процессы формирования идентичности и толерантности прямо противоположны друг другу, само существование идентичностей вовсе не обязательно противоречит толерантности. Угроза интолерантности и конфликтности со стороны идентичности возникает лишь в случаях ее нестабильности и проблемности. Соответственно необходимо обеспечивать условия максимального благоприятствования развитию и стабилизации групповых идентичностей. Более того, интеграция общества должна быть основана на некоторых общих идентичностях [4].

Только уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая

идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, к этноцентризму. [3].

Положительное понимание толерантности достигается через понимание проявлений ее противоположности – интолерантности или нетерпимости, которая базируется на убеждении, что твоя система взглядов, твой образ жизни, группа, к которой принадлежишь, стоят выше остальных. Интолерантность довольно консервативна, она пытается подавить все, что не вписывается в установившиеся рамки. Диапазон результатов интолерантности достаточно широкий: невежливость, пренебрежительное отношение к окружающим, умышленное уничтожение людей (геноцид, войны, терроризм) [2].

В психологии понятие толерантность понимается как отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию, а также стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от превалирующего типа или не придерживаются общепринятых мнений [1]. Часто люди склонны враждебно относиться к «чужим», отличным от нас самих. Различие может иметь место на любом уровне биологической, культурной или политической реальности.

В социологии толерантность рассматривается как система ценностей, норм и образцов поведения, объединенных вокруг «готовности принять других такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [1, с. 200]. Толерантность является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствия боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия. При том, что существенным фактором установления толерантности являются объективные внешние условия существования индивида или социальной группы, в каждом отдельном случае играют свою

роль и индивидуально-психологические особенности личности, ее природная склонность к терпимости и согласию [2].

Сегодня нам очень нужны образцы толерантного поведения и люди внутренне готовые к таким изменениям. Важны и те, кто осознает, что толерантность есть качество, о котором просто нельзя, неловко сказать «я толерантен», подобно тому, как нельзя сказать «я интеллигентен, воспитан», хотя во внутреннем диалоге может возникать этот вопрос о собственной толерантности.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что в какой бы форме не выражались толерантность и идентичность в условиях современного общества, ясно одно, именно они выступают индикаторами развития и именно от того, какими темпами будет идти формирование позитивной гражданской идентичности и толерантности, зависит консолидация и сохранение нашего социума во всем его многообразии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дробижева Л.М., Хомяков М.Б. Новые подходы в изучении и преподавании идей толерантности как результат реализации программы Ур. МИОН. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.iriss.ru/display_analyticsitem?id=000100000297.
2. Ростиславова О.А. Толерантность как гуманистическая ценность // СПО. – 2006. – № 4, с. 32.
3. Соотношение толерантности и идентичности // <http://www.zaoisc.ru/>
4. Хомяков М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В.С. Магун. – М., 2006. – С. 37.

ИМПЕРАТИВЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

ДЕРГУНОВ Ю.В.,

*преподаватель кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

В социальной теории понятие гражданства выходит за пределы привычного юридического узуса, и рассматривается как способ взаимодействия между властью и населением, при котором: 1) «народ» рассматривается как источник власти; 2) индивиды, составляющие «народ», рассматриваются как равные друг другу, а не разделенные на категории, обладающие разными правами (например, сословия) [1, с. 6-7]. Есть ряд подходов к дальнейшей концептуализации сущности гражданства, связывающих его либо с активностью ответственных членов общества, либо с неотчуждаемыми правами и свободами личности (эти подходы лежат в рамках либеральной традиции социально-политической мысли), либо с притязаниями на определенный уровень жизни. В рамках данной работы используется последний подход к гражданству, сформулированный в рамках теории конфликта, рассматривающий гражданство сквозь призму социальной включенности [1, с. 6-9; 2, с. 210-213]. По классическому определению Т.Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [3, с. 170]. В этом плане, основными составляющими этого статуса являются различные группы прав (гражданских, политических, социальных), которые угнетенные слои добывают как уступки со стороны господствующего класса, что является механизмом временной стабилизации своего господства.

Неизбежной обратной стороной гражданства как механизма включения, является исключение каких-либо категорий населения из числа граждан, как внутри государств, так и вовне [2, с. 212-213; 4, с. 134-135].

Как показывают современные исследования, принадлежности к той или иной стране является на сегодняшний день ключевым фактором положения человека в глобальной стратификации доходов. Если в начале XIX в. положения человека в глобальной иерархии доходов на 80% определялось внутринациональными (классовыми) факторами, и лишь на 20% – проживанием в том или ином государстве, то сегодня ситуация является обратной [5, с. 175]. Это позволяет Б. Милановичу рассматривать гражданство как механизм получения ренты, а Р.П. Корсеньевичу и Т. Морану – как разновидность предписанного статуса, ответственного за формирования «равновесия высокого неравенства», аналогом которого внутри стран выступала бы в первую очередь существенная обусловленность уровня доходов «расовыми категориями» [5; 6].

В результате, закономерным продуктом гражданства как механизма социального включения и исключения в рамках глобального неравенства, обусловленного мировой капиталистической системой, выступают современные трансформации гражданства и гражданской идентичности, связанные с разрывом между гражданством как членством в сообществе, и гражданством как принадлежностью, связанные с интенсификацией глобальных миграций как основного механизма социальной мобильности в мировом масштабе. Логическим результатом этого является множественная лояльность индивидов в отношении разных политических сообществ, и разрыв между формальной и эмоциональной принадлежностью, что, в конечном счете, наряду с внутренними трансформациями, связанными с неолиберализацией и индивидуализацией, ведет к кризису национального гражданства [2, с. 218-222].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Малахов В.С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать / В.С. Малахов // Гражданство и иммиграция: концептуальное,

историческое и институциональное измерение: Сборник статей. / Под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. Редактор А.С. Кулева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – С. 6-32.

2. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В.С. Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. – 232 с.

3. Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс / Т.Х. Маршалл; пер. с англ. Ю. Дергунова // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2011. – С. 145-223.

4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн; пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.

5. Миланович Б. Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации / Б. Миланович; пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 336 с.

6. Korzeniewicz R.P. Unveiling Inequality: A World-Historical Perspective / R.P. Korzeniewicz, T. P. Moran. – New York: Russel Sage Foundation, 2009. – xxiv, 192 p.

СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ЕМЕЦ И.А.,
*старший преподаватель кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Характерной чертой современности является интенсивная социальная динамика, проявляющаяся в изменениях очертаний границ государств, смене политических режимов и институтов власти, изменении состава правящих

элит и системы официальных политических ценностей, а также изменении представлений о месте и роли государства в мировом сообществе, что не могло сказаться на формировании гражданской идентичности нескольких поколений.

Состояние государственно-гражданской идентичности – не только призма, через которую рассматривают общество, но и важный фактор мобилизации людей, их солидаризации. Именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же как и лидеры политических направлений, озабочены формированием устойчивой идентичности в соответствии с ценностями, в которых они заинтересованы.

В соответствии с темой исследования, проблемы формирования гражданской идентичности целесообразно рассматривать в рамках конструктивистского подхода (в том смысле, в каком он понимается в этносоциологии), который ключевую роль в мобилизации группы на коллективные действия во имя политических, социальных целей отводит интеллектуальной элите - лидерам, формирующим основные идеи (идеологемы) (Б. Андерсон, П. Бурдьё, Э. Геллнер, В.А. Тишков, Э. Хобсбаум), транслируемые институтами образования и средствами массовой информации в массовое общественное сознание, в результате чего конструируются идентичности. Институт масс-медиа имеет значительные возможности влияния не только на сознание, но и способен формировать поведенческие установки личности. [1]

В подавляющем большинстве источников гражданская идентичность рассматривается исключительно или преимущественно как государственно-гражданская, то есть в логике одной из центральных задач современного общества - формирования нации-государства [4]. В целях нашего исследования рабочим будем считать определение гражданской идентичности данное Л.М. Дробижевой: Гражданская идентичность представляет собой самоотождествление индивида с гражданами страны, ее

государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране - «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране [2].

Принято считать, что гражданская идентичность формируется в процессе политической социализации личности, которая рассматривается в политологической литературе как процесс включения человека в политическую систему в результате которого, на основе определенного уровня знаний о политике, соответствующего его политическим правам и обязанностям происходит самоидентификация с социальной группой, нацией, обретается ощущение вовлеченности в социально-политическую систему и формируются ценностные ориентации, представляющие собой этические или нормативные суждения относительно политической системы общества.

Всю совокупность субъектов, оказывающих влияние на политическую социализацию, целесообразно объединить в следующие подсистемы: 1) Подсистема воспитания – семья, школа, неформальные группы, друзья, клубы и организации, церковь, СМИ, где существенную роль играют коммуникативные связи. 2) Подсистема образования – школа, средние и высшие учебные заведения, учреждения послевузовского образования, где достигаются единство знаний и информации, активно формирующие политическое сознание, политическую культуру молодого поколения. 3) Подсистема средств массовой информации и коммуникации. 4) Политическая организация общества – законы, государство, политические партии и движения, молодёжные организации. [5]

В зависимости все источники передающие политическую информацию, делят на первичные и вторичные. Первичные выполняют общественно значимые функции и способствуют приобщению широких слоев населения к политике (средства массовой информации). Вторичные – конкретно

ориентированы и нацелены на передачу политической информации определенной социальной группе или отдельному индивиду.

СМИ являются специфическим социальным институтом, и им присущи те же функции, что и масс-медиа в целом: информационная, социально-ориентирующая, организаторская, коммуникативная и другие. В контексте политической социализации СМИ предоставляют аудитории различные модели поведения, распространяют эти модели, оказывают влияния на принимаемые решения и корректируют их деятельность.

Как видим, на разных этапах политической социализации средства массовой коммуникации: пресса, радио, телевидение, кино, видеозапись, компьютерные сети, являются значимым агентом социализации.

В политической сфере средства массовой коммуникации выполняют задачу внедрения норм господствующей политической культуры в сознание человека. Наиболее сильное влияние на политическое становление личности оказывают телевидение и радио. [3]

Различные политические силы активно включают средства массовой информации в процесс гражданского и патриотического воспитания. Однако, на сегодняшний момент в условиях, когда гражданская идентичность не определена и не актуализирована, невозможно субъективно и объективно выполнять миссию по ее конструированию и формированию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Е. М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи (на примере московских студентов) / Е.М.Арутюнова – Автореф. канд.социол.наук .- Москва, 2007. – 22 с.
2. Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л.М.Дробижева // Мониторинг общественного мнения : Экономические и

социальные перемены. 2017. - № 4. - С. 7-22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.

3. Маслова И.А. СМИ как фактор политической социализации молодежи / И.А.Маслова // Теории и проблемы политических исследований – 2012. - №1. – С.95-106.`

4. Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010 –2015 гг. Отчет по результатам научно-исследовательской работы .. – М: Исследовательская группа ЦИРКОН – 2015 г. (версия 02.03.16)

5. Степанова Е.Н. Политическая социализация в информационном обществе/ Е.Н.Степанова // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – С.155 - 158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-sotsializatsiya-v-informatsionnom-obschestve>

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАРОДА ДОНБАССА

ЗЫРИНА Я.А.,

кандидат социологических наук,

зав.кафедрой социологии управления

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ИЛЬИНА Т.Б.,

доцент, канд.пс.наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Современный мир с его динамикой, ослабеванием социальных требований во многих сферах: внешнего облика, выбора профессионального

пути, образа жизни, семейно-брачных отношений, обуславливает актуальность рассмотрения самоидентификации. Принадлежность к социальной группе формируется в определенной культурной среде. Она предполагает первичное разделение всех на своих и чужих и может привести как к сотрудничеству, так и к противоборству. Это важный инструмент, влияющий на ценности, общую жизненную стратегию, поведение человека. Кризис традиционных идентичностей проявляется в утверждении специфического типа социальной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, определяющих сознание и поведение значительной части граждан и, в конечном итоге, выражающихся в неустойчивости и нелинейности социокультурного развития. Одновременно на территории постсоветского пространства идет процесс становления новых типов культурно-цивилизационных идентичностей, выступающих как сложная комбинация традиционных представлений и реалий, обусловленных глобализацией мирового развития и новыми социально-политическими условиями [1].

В исследованиях российских авторов отмечается, что показателем индифферентности населения приграничных регионов России в отношении Украины служит значимая доля опрошенных россиян, затруднившаяся дать ответ на ряд вопросов, касающихся российско-украинских отношений. Так от 19,6% до 31,6% затруднились ответить на вопросы о характере влияния Евромайдана на свое отношение к Украине, оценить происходящие в ней сейчас события. Население российского приграничья значительно чаще украинского затрудняется ответить на вопросы о роли совместного советского прошлого на современные российско-украинские отношения (28,0% россиян против 11,4% украинцев), о характерных чертах украинцев (20,6% против 11,0% соответственно) и др. [1].

Деточкина Л.С. отмечает, что для российского общества в целом характерна консолидация, рост патриотических настроений, но эта тенденция

сочетается со снижением уровня доверия государственным институтам со стороны молодежи [3]. Отмечено, что уровень гражданской самоидентификации значительно выше в малых и средних городах, чем в областных и краевых центрах России. Как актуальная задача названо воспроизводство положительной гражданской идентичности в национальных районах России из-за скрытого конфликта национальной и гражданской идентичности [2].

Для выявления идентичности студентов первого курса ДонНУ (N=30) использовали пробы на выявление ассоциаций, на определение выраженности различных видов идентичности. Просили ответить на вопрос: «Что Вас объединяет со всеми гражданами республики?» и «Что Вас объединяет с людьми вашей национальности?». Под гражданской идентичностью мы склонны понимать принадлежность данному государству, включающую «знания о государстве в его исторической и современной перспективе, эмоциональное отношение к государству, "идеальные" представления о гражданских нормах и ценностях, действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве»[4 с.38]. Национальная же идентичность предполагает соотнесение себя с социальной общностью и включает представления о своем народе и этносе, языке, культурных особенностях, территории, эмоциональное отношение к ним, готовность действовать во имя этих представлений.

В результате анализа эмпирических данных, можно констатировать, что гражданская и этническая идентичность представляют собой некоторую констелляцию. Так высокий уровень гражданской идентичности (40%) сочетается с высоким уровнем русской идентичности (44%) и примерно одинаковой выраженностью русской и украинской идентичности одновременно (56%).

Высокий уровень украинской идентичности (27%) выявлен у студентов со средним и выше среднего уровнем гражданской идентичности (50%). Треть опрошенных демонстрируют по всем параметрам средний и ниже среднего уровень идентичности, то есть имеют размытую идентичность. Необходимо отметить, что в качестве своего варианта для шкал идентификации были названы следующие: психолог (14%), активист, патриот, волонтер, спортсмен, христианин, социопат; дополнен был также и этнический состав: армянин, грек, еврей, россиянин.

Анализируя ассоциации студентов, мы выделили следующие параметры: позитивный, негативный, атрибутивный, символический. Со словом «русский» больше всего атрибутивных ассоциаций (47%): язык, книга, флаг, национальность; отсутствуют негативные ассоциации; среди позитивных, в основном, отмечают характерологические и эмоциональные параметры (28%): родной, душевный, патриот, уверенный, живой и т.п. Символические ассоциации (8%) представлены словами: степь, медведь, Пушкин.

Со словом «украинец» более всего представлены позитивные характеристики (30%): теплота, родина, щедрый, хозяйственный, надежда, веселый, доброжелательный, трудолюбивый. Менее выражены атрибутивные характеристики (17%): гимн, герб, песни, пляски, но появляются отрицательные ассоциации (13%): война, бой, пропаганда, грусть, злость. Символическая группа (13%) представлена словами: калина, поле, усы, пшеница, борщ, сало.

Сравнивая ответы студентов на предложенные открытые вопросы, выделили три группы признаков: формальные, ценностные и повседневность. С жителями республики респондентов объединяют такие формальные признаки: территория, паспорт, язык, конституция. С людьми собственной национальности схожесть проявляется в таких параметрах: традиции, язык, характер, внешность, история. Очень близка ценностная группа: религия,

стремление к миру, идея о свободе (для жителей ДНР); мировоззрение, религия (для национальности). Только с жителями республики наших респондентов объединяют параметры, названные нами повседневность: военное положение, тяжелые условия жизни, страх, недовольство республикой, розы.

В перспективе целесообразно было бы изучение содержания и структурно композиционного строения гражданской идентичности с учетом возраста, профессиональных групп, территории проживания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1.Гайдукова Н.Г. Процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных районах:особенности мониторинга / Н.Г.Гайдукова//Социология и управление.- Т.2.- №4.-2016.

2. Гаврилюк В. В. Современные модели российской гражданственности / В. В. Гаврилюк В. В. Маленков // Социологические исследования. - 2016. - № 1. - С. 97-106.

3.Деточенко Л.С. Филоненко В.И. Факторы трансформации самоидентификации студенческой молодежи // Logos et Praxis.- 2017.- [URL:https://cyberleninka.ru](https://cyberleninka.ru)

4.Санина А.Г. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы / А.Г.Санина, А.В.Павлов // Управленческое консультирование.- №9.- 2015.- С.30-40.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

КАБАЧЕНКО Л. С.,
*преподаватель кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Интеллектуальное течение в философии, искусстве и других областях жизнедеятельности общества в целом и конкретного человека, которое, подобно экзистенциализму в середине прошлого столетия, выражающее основные тенденции современной культуры представлено эпохой постмодерна. Ускоренное технологическое развитие, сделавшее более доступными средства связи, передвижения и межкультурного общения, в конце 60-ых привело к радикальному изменению качества жизни. Этот творческий подъем имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Отрицательная сторона оказывает мощное влияние на психологию личности и формирование идентичности человека в целом. Вместе с приобретениями научно-технического прогресса, человек многого лишается. По словам З. Баумана, «разговоры об идентичности и о связанных с нею проблемах сегодня слышатся чаще, чем когда-либо в Новые времена, и поэтому правомерен вопрос, не отражает ли теперешняя обеспокоенность общее правило, согласно которому вещь замечают, лишь когда она пропадает, перестает работать или разваливается» [1].

Процесс формирования идентичности становится проблематичным. Цивилизация, приобретая глобальный характер, выдвигает новые типы культур, изменяются возможности повседневной жизни человека, целиком меняется смысл, характер и формы деятельности и общения. Всё это в совокупности – составные части вызова, усложняющего существование человека, которое изменяет и самосознание людей.

Благодаря современным технологиям, человек вовлечён в грани разных культур и субкультурных образований, разрушающих базисное общественное согласие, оно трансформируется и по итогу исчезает совсем.

Ощущение укоренённости и защищённости, основывающееся на традиционном и «объективно истинном» исчезает, а взамен появляется возможность субъективно воспринимать и трактовать реалии окружающего мира.

Истоком, такой позиции по праву может считаться замечание, сделанное Фридрихом Ницше более ста лет назад, - все наше знание лишь перспектива. В своей крайней форме философия постмодернизма отрицает объективное и измеряет истину лишь субъективным опытом. Это весьма спорное утверждение. Но все же важно признать, что такой конструктивистский подход, без сомнения, приложим к большинству категорий человеческого опыта, особенно, это относится к психологической, психосоматической, общественной, культурной, духовной и подобных им сфер деятельности.

Традиционное, основополагающее теряет свою силу. В истории философии можно выделить, по крайней мере, два подхода к определению традиции. Первый сформулирован в рамках натуралистической (морфологической) культурологии и выдвигает понимание традиции как совокупности тезисов, принимаемых последующими поколениями либо в чистом виде, либо в интеллектуальной обработке.

Второй подход характерен для феноменологического направлений философской мысли. В их рамках традиция понимается как «предрассудок» или некоторый образец, по нормам которого формируется стиль мышления или поведения. [2]

С изменением отношения человека к традиции наступает период поиска идентичности через опору на индивидуальное собственное восприятие происходящих жизненных событий и собственное придание им значимости.

Существенным источником идеологии постмодернизма, влияющим на идентичность человека становится критика многих аспектов культуры, от языка до способов мышления. Проявлением реалий жизни становится движение за гражданские права через солидаризированность самых разных меньшинств, критика для того, чтобы подвергнуть сомнению общепринятые представления о красоте, здоровье, устройстве семьи,

сексуальности, «несостоятельности», ролевой представленности, принижается значение опыта предыдущих поколений и т.п.

Ведущим принципом жизнедеятельности человека становится творческое приспособление, проявляющееся в постоянной готовности пересматривать старую и рассматривать новую информацию сквозь призму настоящего момента, постоянное переоценивание становится осознанной и необходимой функцией социального взаимодействия.

Формируя идентичность в период постмодерна, человек решает такие задачи как отказ от самооправдания или иллюзии собственной правоты и развивает высокий уровень спонтанности и практичности, умение посмотреть на возникающие проблемы по-новому, незашоренным взглядом, в целом рассматривать жизнь, допуская всевозможные её метаморфозы, а собственные комплексы воспринимает как работу на перспективу понимания себя. В этом процессе важно учитывать то, что человек всегда обладает той или иной степенью интуиции относительно своей связи с всеобщей целостностью мироздания и трансперсональную перспективу как основу мировоззрения. Гибкость ума требует навыков, которые позволяют уместность различных подходов, способность варьировать угол зрения на те, или иные вещи и события в сегодняшнем стремительно меняющемся мире.[3]

Идентичность человека постмодерна строится на избегании привязки к социальному месту, времени и позиции, что разнообразит стили жизни и компенсирует культурные разрывы межпоколенных традиционных связей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133.
2. Сергодеева Е.А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-v-sovremennom-obschestve-osobennosti-konstruirovaniya-identichnosti> (дата обращения 14.03.2019).

3. Адам Блатнер Постмодернизм и задачи психотерапии// пер. Ромек Е. / Individual Psychology, 1997. № 53(4), С. 476–482.

4. Гонзаг Москалье Гештальт-терапия: вчера, сегодня, завтра. Быть собой – М: Богрес, 2010 – С. 128.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЖИТЕЛЕЙ ДНР

ЛОХ К.В.,
*доцент кафедры психологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА СТУДЕНТОВ

РУДЕНКО С.В.,
*Доцент, канд. психол. наук.. доцент кафедры психологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Важнейшей характеристикой личности, обеспечивающей ее целостность в течение всей жизни, является идентичность. Эта характеристика формируется постепенно, в процессе жизни. Соответственно, представление о нашем настоящем, прошлом и будущем имеет неоценимое значение в осознании себя, своей целостности, в становлении личности в целом. Мы можем предположить взаимосвязь и взаимообусловленность временной перспективы личности и ее социальной идентичности.

Термин «идентичность» традиционно связывают с именем Э. Эриксона. Идентичность понимается как чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям. [4] В разное время данную проблематику развивали Г. Тэшфел, Дж. Мид, И. Гоффман, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Г.М. Андреева, П.В. Румянцева, и

др. В целом социальная идентичность понимается как феномен, возникающий на основе осознания личностью своей принадлежности к социальным группам.

Понятие временной перспективы было введено Л. Франком. Временная перспектива – совокупность представлений личности о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. Исследованием данного феномена занимались К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, М. Селигман, Д.А. Леонтьев, А.А. Кроник, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха и др. Теоретический анализ данного феномена позволяет выделить наиболее общую структуру временной перспективы, а именно три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Они являются взаимообуславливающими друг друга и оказывают влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни. [1, 2, 3]

На наш взгляд, социальная идентичность является тем образованием, которое связывает настоящее личности с ее прошлым и будущим. Протяженность, насыщенность, структурированность, яркость временной перспективы во всех ее аспектах и облегчают формирование социальной идентичности, и во многом являются следствием принадлежности личности к тем или иным социальным группам и идентификации ее с рядом ролей.

Мы предполагаем, что нынешняя нестабильная обстановка может способствовать поиску новых ролей и выделению новых аспектов своего Я, а также будет отражаться в специфике временной перспективы личности.

Выборку исследования составили 239 студентов 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по разным направлениям ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк. Из них 89 психологов, 34 специалиста в сфере психологии служебной деятельности, 14 химиков, 53 журналиста, 21 специалист в области рекламы и связей с общественностью, 28 специалистов в сфере телевидения. Студентам было предложено написать эссе на тему: «Кто Я?». Полученные данные затем нами обрабатывались с помощью метода контент-анализа. По его результатам ключевыми стали роли,

выделяемые студентами, а также ряд характеристик. Также было проведено изучение временной перспективы с применением методики Ф. Зимбардо. Полученные данные затем обрабатывались посредством метода корреляционного анализа Ч. Спирмена.

Особенности временной перспективы личности и социальной идентичности студентов представлены на Рис.1 и Рис. 2.

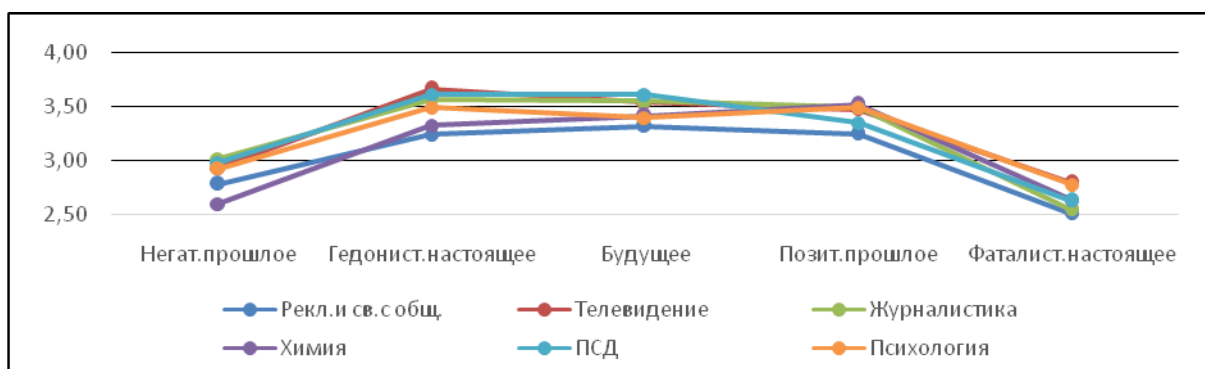

Рис.1 Особенности временной перспективы личности

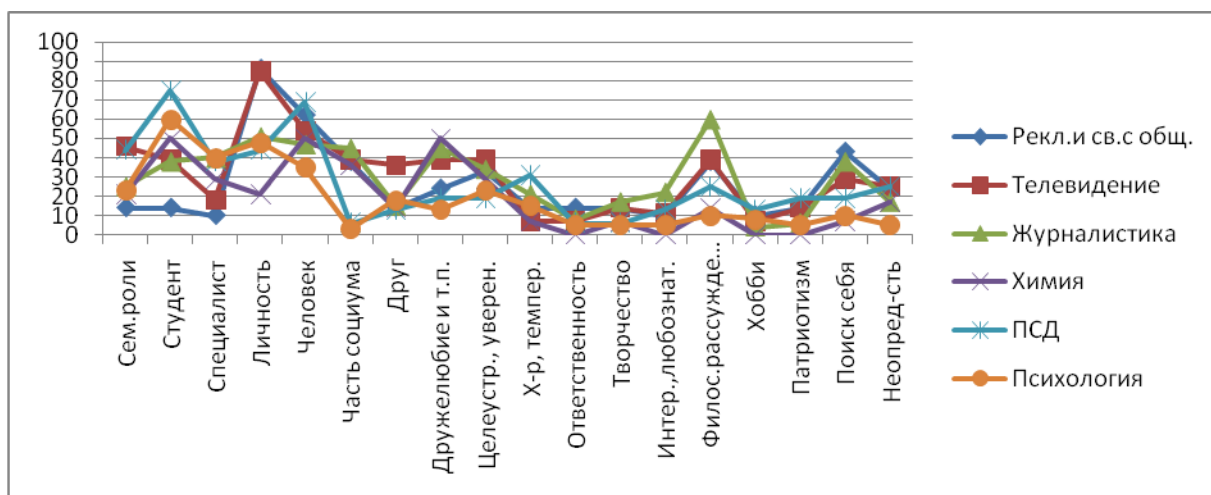

Рис.2 Особенности социальной идентичности студентов

Остановимся на наиболее выраженных особенностях временной перспективы в контексте социальной идентичности.

Отмечена значимая положительная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между склонностью позиционировать себя как специалиста, выделять отдельные черты характера, темперамента и таким аспектом временной перспективы, как будущее. Студенты, склонные оценивать себя как будущих профессионалов в своей сфере и носителей таких качеств, как дружелюбие, доброжелательность,

преимущественно расценивают свое прошлое позитивно ($p \leq 0,05$), воспринимая все происходившее с ними ранее как полезный опыт. Также можно выделить ряд следующих тенденций. Чем более во временной перспективе студентов представлена выраженность будущего, тем в большей мере они склонны выделять значимость для них семейных ролей, роли студента, друга, проявлять стремление к творчеству, любознательность; при этом тем в меньшей степени они склонны отмечать неопределенность и страх перед будущим. Чем более выражена оценка настоящего периода как фаталистического, тем менее в ответах студентов представлены категории ответственности и поиска себя. Последнее касается и такого аспекта временной перспективы, как позитивное прошлое, а именно: склонность к поиску себя, своего предназначения в жизни сочетается с тенденцией в большей мере критически оценивать свой прошлый опыт.

Мы видим, что значимыми для студентов являются роли студента, специалиста, личности, друга, выделение целеустремленности, дружелюбия. Примечателен рост значимости (см. по [3]) философских рассуждений о себе, а также появление категорий поиска себя и неопределенности и страха перед будущим. Такой аспект временной перспективы, как будущее, взаимосвязан с осознанием себя как будущего специалиста, рефлексией черт темперамента и характера, в меньшей степени – с выделением семейных ролей, роли студента, творчества, с меньшей склонностью к переживанию неопределенности и большей – к поиску себя. Слабая же выраженность позитивной оценки своего прошлого и фаталистической – настоящего, сочетаются с возрастанием ответственности, с поиском себя и определения своих жизненных приоритетов и целей.

На наш взгляд, нынешняя нестабильная обстановка во многом нашла свое отражение в выявленной специфике временной перспективы студентов, а также способствует активнейшему поиску и формированию именно осознаваемой идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – М.: Речь, 2010. – 352 с.
2. Купчигина И.М., Недбаева К.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156-158
3. Руденко С.В. Особенности временной перспективы личности в контексте социальной идентичности // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (г.Донецк, 15.11.2018). Под общ.ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 225 с. – С 151-155.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМАТЕ ПОСТМОДЕРНА

САБИРЗЯНОВА И.В.,

*заведующий кафедрой философии и психологии
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Ситуация постмодерна как парадигмальная трансформация культуры со второй половины XX века, – достаточно неоднозначное явление человеческой истории. Изменение методологических подходов в искусстве, гуманитарных науках способствовало не просто отказу от прежних идеалов и ценностей, а скорее, привело к их полному забвению. Возникает понимание «Я-идентичности» (Ю. Хабермас) как совокупности постоянно взаимодействующих и, как следствие, взаимовлияющих друг на друга индивидуальной и социальной идентичностей. Уходя от трактовки идентичности как тождественности, что характерно для классического философского дискурса, постмодернисты возводят идентичность в ранг

тотальности, ибо подвергнув тождество деконструкции, получают перечеркнутое тождество как результат различия, а следовательно, нетождественности (Ж. Деррида).

Постмодернисты разрушают как ценностное единство предшествующего периода истории человечества, так и личностные системы ценностей. Символы и образы прежней культуры исчезают или изменяют свое значение. На смену понятиям о «должном» приходят понятия «приличного» и «приемлемого». Новые ценности формируются столь стремительно, что человек попросту не удосуживается глубокого рационального осмысления, довольствуясь простым сопоставлением, становится потребителем ценностей. «Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [1, с.11]. Провозглашается рассеянность и спутанность ценностей (Ж. Бодрийяр). Вводятся симулякры как знаки мгновенного состояния, фиксирующие меняющееся отношение человека к ситуации: в различных контекстах различными становятся смыслы традиционных ценностей, основания идентичностей. Идеологи постмодернизма – Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, П. Кlossовски, Ю. Кристева, Г. Марсель, М. Фуко, Ф. Арьес, Ж. Батай, М. Бланшо, М. Хайдеггер, – указали на факты деформаций ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, где трагическое самосознание утрачивает существенную актуальность, сменяясь ироническим пессимизмом, пронизывающим творчество. Игра, как воплощение человеческой сущности, становится и предметом исследования (Й. Хейзинга), и способом существования, и мировосприятием, и мироощущением. В постмодернистских исследованиях игра получает предикат граничности (Ж. Делез), маргинальности – человек эпохи не стремится погружаться решение глубинных смысложизненных проблем, становится достаточным легкое скольжение по граням, простая констатация смыслов. В пространстве постмодерна реальность искажена и

дестабилизирована настолько, что дает возможность преимущественно для экспериментирования. На первый план выдвигаются этические, эстетические и религиозные эксперименты, ибо постмодерный человек предпочитает игру безопасного бытия [Подробнее об этом: 2, с. 183-186].

Акцентируется внимание на фактах деформации ценностей и ценностных ориентаций в современном мире, способных оказывать влияние и изменять общественное сознание, формируется образ человека в культуре и культуры в нем, так называемый ценностно-смысловой универсум, где человекполучает возможность выхода на высший культурно-исторический, моральный, духовный уровень собственного бытия. Вместе с тем современная социокультурная реальность постмодерна, детерминируемая потребностями развития техники и технологий, изменяет и саму глубинную биосоциальную и духовную сущность человека. Биотехнологии, генная инженерия, нанотехнологии, информационные технологии и виртуальная реальность способствуют развитию постчеловека, обостряя тем самым проблемы идентичности, разрушая экзистенциальные основания существования человека, его базовые ценности. Ближайшая перспектива освобождения человека от всех проблем, связанных с биологической природой – болезни, старости, смерти, достижения реального (практического) бессмертия – не что иное, как процесс технологической эволюции и одновременного поглощения человека нынешнего облика. Человечество семимильными шагами мчится к отказу от гуманитарной парадигмы в пользу трансгуманизма[Подробнее об этом: 3, с. 47-50]. Регенеративная медицина, нейромоделирование, тканевая инженерия и 3D печать искусственных органов, методики криосохранения, искусственный интеллект и нанороботизация – все эти техники и технологии направлены на поиск путей базовых перемен в состоянии человека, но будет ли это нечто собственно идентифицировано как человек?

Таким образом, постмодернизм как новейшая философия отрицает любое централизующее начало, провозглашая в социальном плане приверженность свободе, правам человека, стремление к терпимости и сотрудничеству. Современный человек живет не столько разумом, сколько эмоциями, интуицией. Отсюда – размытость, постоянное возникновение и исчезновение, пребывание на грани, скольжение по краям, маргинальность обуславливают дестабилизацию существующих систем ценностей, уничтожение иерархии, приумножая тем самым идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 260 с.
2. Сабирзянова И.В. Соотношение действительного и мнимого в аксиологическом пространстве постмодерна // Материалы Всероссийской научной конференции «Ялтинские философские чтения. Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» (19-21 ноября 2015 года, г. Ялта) / Отв. ред., к.филос.н., доцент Разбеглова Т.П. – Ялта, 2016. – С. 183-186.
3. Сабирзянова И.В. Социокультурный статус образования в ситуации от постмодерна к пост-постмодерну//Современная культура и образование: история, традиции, новации: матер. Междунар. науч. конф. (г.Луганск, 14 дек. 2017 г.). – Луганск: Книта, 2018. – С.47-50.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

САМОТАЕВА Э.А.,

доцент, к. психол. н.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Понятие гражданской идентичности в настоящее время встречается во множестве работ, в основном связанных с проблемой воспитания

подростающего поколения, формирования у молодежи ответственности, активной жизненной позиции.

При этом, отсутствует единая точка зрения относительно структуры и сущности гражданской идентичности. Данное понятие трактуется исследователями неоднозначно – в ракурс анализа попадают различные аспекты гражданской идентичности в соответствии с кругом научных интересов того или иного автора и направления исследования.

Так, например, Р. Ю. Шиковой гражданская идентичность рассматривается как структурный компонент социальной идентичности и определяется как результат процесса самоотождествления субъекта с соответствующими социальными группами на эмоциональном и когнитивном уровнях личности [3]. По мнению Т.В. Водолажской гражданская идентичность представляет собой осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, которое имеет для индивида значимый смысл, а также способность и готовность выполнять сопряжённые с наличием гражданства обязанности, принимать активное участие в жизни государства, пользоваться правами [1]. Как можно заметить, автор определяет гражданскую идентичность как реализацию базисных потребностей личности в принадлежности к группе и включает в нее деятельностный элемент.

Социологическая точка зрения на природу гражданской идентичности предполагает учет типических социокультурных измерений: языка, ментальности, картины мира, социокультурных ценностей, норм поведения. Соответственно, гражданская идентичность рассматривается как отождествление индивида с обществом во всех этих измерениях. Социологический ракурс понимания данного явления – это ракурс значимости его для общества в целом. Гражданская идентичность здесь выступает фактором сплочения населения, цементирующей основой социальной интеграции (Е.А. Гришина, Р.Ю. Шикова и др).

С точки зрения психологии, гражданская идентичность включена в структуру психосоциальной идентичности, которая является продуктом взаимодействия между обществом и личностью, имеет многоуровневую структуру, предполагает наличие личностного смысла и требует от человека достаточно высокого уровня личностной зрелости (А.Г. Асмолов, Э. Эриксон и др.).

Не претендуя на систематизацию и обобщение, что требует более глубокого изучения вопроса, отметим, что под гражданской идентичностью в рамках данной работы будем понимать определенную установку личности, включающую в себя:

- ее самоотождествление с сообществом граждан определенного государства (эмоциональный компонент),
- осознанную гражданскую позицию (когнитивный компонент),
- проявление заботы об Отечестве и ответственности перед ним (поведенческий компонент).

Гражданскую идентичность будем также рассматривать как динамическое явление, предполагающее многоуровневую структуру.

Исходя из сказанного, предпримем попытку рассмотреть специфику гражданской идентичности в соотношении с уровнями нравственного развития личности, выделенными Б.С. Братусем [2].

Эгоцентрический уровень развития личности (а также данный уровень в структуре личности) характеризуется преимущественным стремлением лишь к собственному удобству, выгоде, престижу.

Соответственно, гражданская идентичность на этом уровне выражается в стремлении к принадлежности к группе (нации, народности, политическому или общественному движению) лишь для удовлетворения собственной безопасности (эмоциональный компонент). Гражданская позиция (когнитивный компонент) практически отсутствует – ценности не выражены, «размыты». Человек, находящийся на таком уровне, легко

становится предателем, в менее опасном варианте – просто остается потребителем (поведенческий компонент). «Государство мне должно» - типичная позиция данного уровня.

Группоцентрический уровень характеризуется идентификацией себя с какой - либо группой и построения отношения с другими в зависимости от того, входят они в данную группу или нет. Данный уровень уже предполагает ценности и убеждения, однако характеризуется суженным самосознанием и лишает человека ответственности, по сути, выступая «бегством от свободы». Типичным проявлением данного уровня является национализм.

На просоциальном (гуманистическом) уровне за каждым человеком, подразумеваются самооценność и равенство его в отношении прав, свобод и обязанностей. В отличие от предыдущего уровня, где смысловая, личностная направленность ограничена пользой, благосостоянием, укреплением позиций относительно замкнутой группы, подлинно просоциальный уровень, в особенности его высшие ступени, характеризуются внутренней смысловой устремленностью человека на принесения блага другим (труд на благо общества, участие в событиях своего Отечества, стремление внести свой вклад в улучшение благосостояние народа и т.п.). Примером проявления данного уровня является патриотизм. Ведь истинный патриотизм по своей сущности гуманистичен. Он включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям, а также неразрывно связан с культурой межнациональных отношений.

Духовный (эсхатологический) уровень выходит за пределы рассматриваемого вопроса, так как предполагает горизонт такого развития человека, на котором он начинает осознавать и смотреть на себя и другого как на существа особого рода, созданные по образу и подобию Божию, связанные, соотносимые с духовным миром и являющиеся его частицей.

Таким образом, учет этического аспекта понятия гражданской идентичности предполагает такой подход к гражданскому и патриотическому

воспитанию молодого поколения, который включает формирование нравственной и гражданской ответственности личности в комплексе, опору на принцип сознательного предпочтения добра как главного принципа взаимоотношений между людьми, развитие готовности к нравственному самосовершенствованию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская / Т.В. Водолажская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–142.
2. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности / Б.С. Братусь – М. : Знание, 1985. – 64 с.
2. Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) / Р.Ю. Шикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. - № 1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n> (дата обращения 12.03.2019).

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

СКВОРЦОВ Ю.А.,
*аспирант кафедры социологии управления
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Согласно субстанциалистской парадигме идентичность обуславливается как явление, которое серьезно укоренено в объективной действительности, отражающая на самом деле имеющуюся разницу между сообществами. Сторонники этого подхода заявляют, что характеристики обуславливают понимание себя как отдельного, особого сообщества с

набором определенных атрибутов, единых абсолютно для всех членов, укоренены в физиологических и психологических качествах, в отличительных чертах места проживания в подобии их жизненной и классовой ситуации, положения в общественной структуре.

Одним из представителей субстанциализма является Энтони Смит, который рассматривает прежде всего национальную идентичность, но его модели можно спроектировать и на локальные сообщества. В рамках данной концепции, территориальная идентичность присуща группе людей, обладающих общими и особыми элементами культуры, единой экономической системой, гражданскими правами для всех членов, чувством солидарности, являющимся результатом общих переживаний, и занимающих общую территорию[2, с.112].

Операционализация понятия гражданской или западной модели национальной идентичности, проведенная Э. Смитом, характеризуется разработкой сложной системы, включающей следующие компоненты:

- исторически общие территория, законы и институты;
- политическое равенство граждан, выраженное в действующей системе прав и обязанностей;
- общность гражданской культуры и идеологии[2, с.305].

Понятие городской идентичности можно рассматривать через следующие элементы:

- происхождение, понимаемое как принадлежность своему городу;
- городская культура;
- язык;
- обычаи.

Идентичность существует в определенных границах, которые, как правило, символически опосредованы. При помощи понимания ценностей "своей" группы и обретение преланности к ней (интегрирующая роль)

совершается самоанализ "других" групп и, равно как результат, определение разделений между группами (дифференцирующая роль).

Из-за расчета сочетания дифференцирующей и интегрирующей роли идентичности межгрупповые взаимоотношения соединяются в систему и упорядочиваются. Сформировавшаяся система внутри- и межгрупповых взаимодействий создает определенную степень общественной роли и активизма. Таким образом, идентичность (как осознаваемая, так и неосознанная или невыбранная) содействует тому, что личность, как член установленной группы, ведет себя исходя из определенного набора предварительных требований. Фактическое выражение идентичности можно изложить через концепт «поступка». В социологической концепции практик собственно поступок – окончательное этическое действие – означает рубеж перехода от определения (провозглашения) идентичности к ее проявлению[1, с.58].

Также в рамках эссенциалистской парадигмы следует отметить работы авторов концепции социальной идентичности А. Тэшфела и Дж. Тернера. Тэшфел четко разводит определения «идентификация» — как процесс и «идентичность» — как продукт этого процесса. Помимо этого, именно при анализе трех представленных «шагов» неоспорима привязка всей концепции к проблеме общественного познания. Еще более определенно это проступает в теории последователя Тэшфела Дж. Тернера. Для него сама социальная группа это «совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия этого самоопределения и достигают некоторой степени согласованности в оценке группы и их членства в ней»[3, с. 40]. Другими словами, человек формирует психологическую категорию посредством категоризации себя с другими. Отсюда допускается сделать заключение о том, что в рамках рассматриваемой концепции процесс установления общественной идентичности – это механизм социального познания, а именно

познания себя в этом мире. Для Тернера личностная и общественная идентичность – не столько различные формы идентичности, сколько различные формы самокатегоризации: личность категоризирует себя в пределах определенного континуума «ближе» то к одному, то к другому полюсу. Это зависит всякий раз от того, в какой конкретно группе возникает ситуация идентификации. Несмотря на различный акцент, который сделан в теориях Тэшфела и Тернера, отчетливо видно, как когнитивистский подход дополнен и в этом случае анализом того, что остается «за пределами когниций». Более полно идентификация с группой рассматривается в трех плоскостях: когнитивной – знание о моей принадлежности к группе, ценностной – наличие позитивных или негативных коннотаций принадлежности к данной группе, эмоциональной — принятие либо «своей», либо «чужой» группы на основании двух первых показателей. Понимаемая таким образом идентичность весьма сходна с социальной установкой - аттитюдом, где тоже три компонента, хотя то, что называется в теории идентичности «ценностным», в теории установки получило название «поведенческий» [3, с. 53]. На этом основании социальную идентичность можно рассматривать как установочную структуру. Но наличие такого сходства содержания двух ключевых понятий социальной психологии не умаляет их значения, а, возможно, напротив, увеличивает его. Более того, это сходство, а также включение проблемы идентичности в систему межгрупповых отношений лишний раз нацеливает исследователя на необходимость постоянно совмещать анализ когнитивных механизмов и социальных условий их проявления.

Эссенциалистская парадигма утрачивает доминирующую роль в изучении идентичности. Все большее распространение в науке получает конструктивизм, как абсолютно противоположная теория. Также происходит смещение фокуса исследования от нации, этноса, т.е. макроуровня к изучению идентичности в рамках городского сообщества. В рамках этого

подхода, территориальная идентичность – это группа людей, обладающая общими и особыми элементами культуры, единой экономической системой, гражданскими правами для всех членов, чувством солидарности, являющимся результатом общих переживаний, и занимающая общую территорию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Н.Л., Конева Е.В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности: Монография. [Текст] / Н.Л. Иванова, Е.В. Конева – Яр.: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. – 132 с.
2. Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). [Текст] / Г.К. Косиков – М.: Рудомино, 1998. – 188 с.
3. Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности [Текст] / О.Ю. Малинова // Политическая наука. – 2005. – №3. – С. 8-20.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

СТРЕМОУХОВ А.А.,

*старший преподаватель кафедры социологии управления,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Национальная идентичность является неременным фактором стабильного и устойчивого существования государства, а в критических ситуациях главным фактором, определяющим выживание той или иной страны. Напротив, при отсутствии сильной национальной идентичности наступает кризис в работе политических институтов, а более значимый вес начинают приобретать другие идентичности — клановые, религиозные, семейные, этнические. Как следствие, ослабляется внутренний суверенитет государства, что в свою очередь приводит к стагнации, а затем к кризису его развития¹.

Под национальной идентичностью понимается комплекс трех основных идей, постоянно присутствующих в сознании большинства населения государства: «общее прошлое/общий опыт государственности, позитивно воспринимаемое общественным сознанием», «набор общих ценностей для данного социума», и выступающая следствием вышеупомянутых факторов «общая ответственность за будущее страны». Данные компоненты следует рассматривать как систему: только совокупно эти компоненты создают «национальную идентичность». Отсутствие любого из этих компонентов ведет к размыванию национальной идентичности в стране, к ее временной, а затем конечной потере, что неминуемо приведет к затяжному кризису государства или даже его распаду или превращению в «несостоявшееся государство» (failedstate)¹.

Именно национальная идентичность дает ответ на ряд фундаментальных вопросов: «зачем развиваться в рамках данного государства?», «зачем соблюдать установленные законы?», «зачем давать отпор агрессору в случае нападения на страну?» и другие.

Принадлежность гражданина к нации определяется принятием индивидом всех трех компонентов национальной идентичности, а не его происхождением. Именно такая интерпретация национальной идентичности позволяет провести действительно четкую грань, отделяющую граждан государства от тех, кто не разделяет общенациональных ценностей.

Таким образом, национальное самосознание является одним из компонентов национальной идентичности¹. Вместе с тем сущность национальной идеологии определяется как форманационального самосознания одновременно процесс самопознания и развития национально-культурной самобытности².

Совершенно очевидно, что процесс национальной самоидентификации происходит под действием на индивидов и социальные группы различных формально и неформально существующих идеологий. Следует иметь в виду,

что, идет жесточайшая идеологическая война за умы и сердца людей, особенно молодого поколения. Поэтому остро необходимо решать вопрос возвращения государственной идеологии, пронизывающей воспитание и образование подрастающего поколения, а также все сферы жизни общества. Другие идеологии (религиозные, политические) всё равно не могут взять на себя решение абсолютно всех духовных, нравственных и других проблем, которые может решить идеология государственная.

Неприятие государственной идеологии возникает на основе противоречивости интересов правящего класса с другими политическими силами. Однако ситуация кардинально меняется, если в основе государственной идеологии лежит национальная идея.

Говоря о роли национальной идеи в жизни общества, российский академик Н.Н. Моисеев подчеркивает: «Без представления о национальных идеях, без определенного видения перспектив любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру — невозможно. Общество, народ становятся беззащитными»³.

Национальная идея – основной принцип устройства жизни нации, который нация формирует, осуществляет и развивает. Она выражает смысл существования нации, ее цель. Формулирование и пропаганда национальной идеи через национальную идеологию имеет огромное значение как фактор объединения нации для решения важнейших общенациональных проблем.

Таким образом, национальная идея является системообразующей частью идеологии нации⁴. Государственно-национальная идеология должна пронизывать все сферы жизни общества, особенно воспитание и образование подрастающего поколения. Только так можно добиться национальной идентичности большинства социума страны и дать достойный отпор нашим идеологическим противникам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. К.А. Кузнецов, П.А. Щелин. Национальная идентичность и устойчивая государственность//<https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-i-ustoychivaya-gosudarstvennost>
2. Этнопсихологический словарь. — М.: МПСИ. В.Г. Крысько. 1999.
3. Моисеев Н.Н. Россия на перепутье // Социально-гуманитарные знания, 1999, № 4. С. 173—174.
4. Телемтаев Марат Махметович. Системная философия/<https://fil.wikireading.ru/13962>

СТАТУСНАЯ НЕКОНСИСТЕНТНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО УРОВНЮ ДОХОДОВ

СТРУЧЕНКОВ А.В.,

доцент кафедры социологии управления,

доцент, к.и.н.

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»*

Одной из особенностей современного общества является плюрализм и крайний динамизм социальных реалий. В таких условиях идентичность перестаёт быть а priori заданной и неизменной категорией. Наоборот, перед индивидом открывается практически неограниченная возможность конструирования множества идентичностей или выбора из континуума уже имеющихся. При этом сами идентичности используются индивидом инструментально, т.е. для достижения определенных целей.

Каким образом указанные выше процессы влияют на социальную структуру общества? Известно, что социальная структура охватывает размещение всех социальных отношений, зависимостей, взаимодействий между элементами в социальных системах различного ранга. В качестве одного из базовых элементов социальной структуры выступают социальные

общности и группы. Одной из характеристик, описывающих любую систему социальной структуры и стратификации общества, является степень кристаллизации (статусной согласованности / консистентности). Последняя определяется по степени совпадения позиций социального агента (индивид, общности) в различных статусных измерениях (профессиональное, имущественное, символическое и т.п.). Ситуацию, когда такое совпадение отсутствует или слабо выражено, можно охарактеризовать как статусную неконсистентность.

Проблема статусной неконсистентности впервые была затронута в работах Макса Вебера [1; 2] и Питирима Сорокина [3], которые указали на многомерный характер социальной структуры общества. Сам термин был введен в научный оборот Джерардом Ленски в 1954 году, после проведенных учёным эмпирических исследований социальной стратификации. Впоследствии эмпирическое изучение статусной неконсистентности осуществляли как американские (У. Кенкел, Д. Келли, У. Чемблиш), так и восточноевропейские (Х. Доманьский, П. Махонин) социологи. В конечном итоге, все они приходят к выводу, что статусная неконсистентность свидетельствует о нестабильности социальной системы и может стать причиной её коллапса.

Со своей стороны отметим, что статусная рассогласованность зафиксирована во всех типах общества. Однако лишь в модерном обществе, с его значительными масштабами и скоростью социальной мобильности и переструктурирования социальных групп, данное явление приобрело ярко выраженный характер.

В мае 2018 года нами было проведено социологическое исследование, в ходе которого была получена информация об уровне среднедушевого дохода жителей ДНР и их имущественной самоидентификации. Анализ корреляций между указанными переменными позволяет выявить степень статусной неконсистентности по уровню доходов.

По размеру среднедушевого дохода на каждого члена домохозяйства жители ДНР распределяются следующим образом: до 3000 рублей – 16%, 3000-7000 рублей – 38,3%, 7000-10000 рублей – 24,6%, более 10000 рублей – 20,3%. Указанные данные существенно отличаются от имущественной самоидентификации респондентов. Так, к нищим (крайняя степень нуждаемости) отнесли себя 4%, к бедным – 26,8%, к категории «не бедные, но и не средний класс» – 37,8%, к людям среднего достатка – 27,3%, к зажиточным – 3% опрошенных.

Следует отметить, что наибольшая степень статусной неконсистентности зафиксирована среди групп с низким среднедушевым доходом. Так, каждый третий респондент (32,9%) с доходом менее 3000 рублей не относит себя к нищим или бедным. Среди лиц с доходом 3000-7000 рублей данный показатель составляет 56,9%. Существенная разница уровня бедности по монетарному и субъективному критериям обусловлена тем, что многие респонденты стесняются признать себя бедными. Кроме того, бедные люди ограничивают собственные материальные и духовные потребности, благодаря чему они более-менее удовлетворены тем, что имеют. Такая установка порождает рассогласованность в имущественной идентификации бедных, благодаря которой сглаживается острота переживаемых ими деприваций (лишений).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер, М. Класс, статус и партия / М. Вебер // Социальная стратификация: [сборник статей: перевод] / РАН, Ин-т народнохоз. прогнозирования; отв. ред. С.А. Белановский. – М.: ИНП РАН, 1992. – Вып.1. – С.19-38.
2. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социс. – 1994. - №5. – С.147-156.
3. Сорокин, П. Социальная мобильность / П. Сорокин. – М.: Academia: LVS, 2005. – 588 с.

ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СУЧКОВА Е.Ю.,

доцент кафедры социологии управления,

доцент, к.и.н.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы

при Главе Донецкой Народной Республики»

Евреи как народ существуют почти 4 тысячи лет. Согласно Торе и еврейской традиции, они ведут своё происхождение от библейских патриархов Авраама, Исаака и Иакова. Им удалось создать свою уникальную цивилизацию, которая существует и по сей день, несмотря на то, что во время римского периода евреи были рассеяны и постепенно практически по всему миру образовали свою диаспору. В 1948 году было возрождено еврейское национальное Государство Израиль (после почти 1900 лет существования еврейского народа в рассеянии). По данным Статистического бюро Израиля, в 2018 г. в мире проживало 14 миллионов 511 тысяч евреев, большинство из которых живут за пределами Израиля, а именно: в США (5 миллионов 700 тысяч), Франции (456 тысяч), Канаде (390 тысяч), Великобритании (290 тысяч), Аргентине (181 тысяча), Российской Федерации (176 тысяч), Германии (117 тысяч), Австралии (113 тысяч) и других странах мира на всех континентах.

Еврейскую самоидентификацию сегодня, по нашему мнению, можно подразделить на несколько типов, основными из которых являются:

1. Ортодоксальная религиозная. Распространена в Израиле, США, Германии, Литве и других странах прежде всего среди ашкеназских евреев – субэтнической группы евреев, сформировавшейся в Центральной Европе к XIV столетию и получившая распространение в Восточной Европе. Основными языками ашкеназов были идиш, английский, русский, иврит как язык священных текстов. Ортодоксы соблюдают все возможные из 613 правил Пятикнижия Моисеева, ведут общинный образ жизни. К Израилю относятся отрицательно или скептически. Делятся на множество групп (хасиды – сторонники религиозного движения, берущего своё начало в XVIII веке, характеризующегося склонностью к мистицизму и религиозной экзальтации; миснагеды – противники хасидизма из среды раввинов и руководителей еврейских общин)
2. Религиозные сионисты или современные ортодоксы, живущие в Израиле, США и во многих других странах. Соблюдают все возможные заповеди,

но ведут более современный образ жизни. У них менее закрытые общины и положительное отношение к Израилю. К этому типу де-факто можно отнести большую часть иудейского религиозного движения ХАБАД (хохма – мудрость, бина – понимание, даат – знание), основанного в 1772 году Шнеуром Залманом из Ляд и получившим широкое распространение в США, Израиле, в постсоветских странах. Хотя традиционно сторонников ХАБАДа относят к первому типу.

3. Сторонники консервативного, реформистского иудаизма и неологи. Консервативный иудаизм как течение возникло в XIX веке в Германии, первые организованные формы образовались в начале прошлого века в США. Многие его лидеры активно участвуют в сионистском движении. В Израиле первые общины консервативного иудаизма начали образовываться в 1960-е годы, в основном, выходцами из США. Реформистский или прогрессивный иудаизм – движение за обновление еврейской религии. Возникло в Германии во втором десятилетии 19 в.; оттуда распространилось на другие страны Центральной и Западной Европы и вызвало брожение в еврейских общинах Восточной Европы. Во второй половине XIX в. главным центром движения становятся США. В последние десятилетия реформизм находит сторонников и в Израиле.

Неологи являются одной из двух крупных общинных организаций венгерского еврейства. В социальном плане либеральные и модернистские неологи были более склонны к интеграции в венгерское общество с эпохи эмансипации в XIX веке. Это было их главной особенностью, и они были в значительной степени представительным органом городских, ассимилированных евреев среднего и высшего класса. Религиозно, на раввинат неологов повлияла прежде всего положительно-историческая школа Захария Фрэнкеля, из которой также эволюционировал и консервативный иудаизм, хотя формальное раввинское руководство слабо влияло на ассимиляционистские общинные истеблишменты и прихожан. Их раскол с традиционалистскими и консервативными ортодоксальными евреями был официально закреплён после Венгерского еврейского конгресса 1868–1869 гг. И они стали де-факто отдельной деноминацией. Неологи оставались организационно независимыми на тех территориях,

которые были уступлены по условиям Трианонского договора 1920 года, и до сих пор являются самой многочисленной группой среди евреев Венгрии.

4. Традиционные евреи, живущие, в основном, в Израиле. Часто это сефарды (субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата. Исторически бытовым языком сефардских евреев служил ладино, принадлежащий к иберо-романской подгруппе романских языков) и восточные евреи (мизрахим) — условное название евреев, проживавших и проживающих, имеющих соответствующее происхождение, в странах Ближнего Востока и Северной Африки, и выходцев из этих стран в Израиле. Соблюдают часть заповедей. Общинный образ жизни в полной мере не ведут.

ШАС — израильская ультра-религиозная политическая представляющая интересы религиозных евреев, а также потомков выходцев из арабских стран в основном в 1950—1970-е гг. сефардов и мизрахим.

5. Светские евреи, живущие в Израиле.
6. Светские европейские и американские евреи.
7. Светские евреи, живущие в постсоветских странах и выходцы из них в других странах. Основными маркерами идентичности для них являются: происхождение («пятая графа» в советском паспорте), язык предков — идиш — еврейский язык германской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века разговаривали около 11 миллионов евреев, а сейчас он редко используется в повседневном общении — и культура. Характерна большая доля смешанных браков, соответственно идентификация потомков смешанных браков усложнена.

Список использованной литературы

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И.Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с. (Социальная теория).
2. Грачёва А.М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. — М.: Российская академия образования, 1998. — С.105 — 141.

3. Милитарёв А. Еврейские парадоксы и еврейская идентичность в жизни и языке // Лехаим. Ежемесячный литературно-публицистический журнал. – 2008. - №3.
4. Носенко-Штейн Е. В поисках самости: изучение еврейской идентичности // НЛО. Независимый филологический журнал. – 2014. - №3(127).
5. Членов М.А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. – 1999. - №1. – С.34 – 56.
6. Ханин В., Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодёжь в постсоветских странах: национальное самосознание, общинная жизнь и связи с Израилем. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
7. Эпштейн А., Хеймец Н., Кенигштейн М. «В тоске по мировой культуре»: образовательные программы и национальная идентичность русскоязычного еврейства // Между мифом и реальностью: Проблемы еврейской идентичности и цивилизации в истории и современности. – М.: ВГШ им. С.Дубнова, 2005. – С.277 – 281.

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ФИЛАТОВА И.Ю.,

преподаватель

*ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при
Главе Донецкой Народной Республики»*

Говоря об идентичности как о сложной многогранной структуре, многие исследователи выделяют идентичность как определённый результат, получаемый в процессе идентификации субъекта.

Общие черты идентичности в разрезе всей общности проявляются как в потребности субъекта в выделении некой уникальности, так и в желании человека чувствовать и подчёркивать эту уникальность относительно иных людей [3].

Понятие гражданская идентичность появилось в научных работах относительно недавно. В социологии гражданская идентичность определяется отождествлением субъекта и общества во всех социальных и культурных измерениях (язык, ментальность, типичные модели поведения) [2]. Национально-гражданская идентичность (по мнению Л.Л. Дробижевой)

представлена сопричастностью субъекта с обществом и гражданами данного государства, наличием определённого мнения об этом государстве, в понимании и разделении интересов государства его гражданами [1].

Анализ работ различных исследователей по понятию гражданской идентичности даёт возможность увидеть различные трактовки этого понятия и многогранную систему составляющих, формирующих гражданскую идентичность. Аспекты данного понятия также различны. Анализируя работы исследователей, можно сделать вывод, что гражданская идентичность - это восприятие субъектом себя как представителя данного общества и государства.

Гражданская идентичность - это понимание индивида своей принадлежности к гражданскому сообществу конкретного государственного образования, принятие участия в его политических и социальных процессах, что является важным и значимым для человека. Причём названное определение отличается от определения «гражданства», которое характеризует субъекта как носителя установленных политических прав и свобод, а также обязанностей по отношению к государству, т.е. определяет его правовой статус.

Гражданская идентичность представлена частью социальной идентичности субъекта, которая определяет принадлежность индивида к государству, различным его структурам, непосредственное отношение субъекта к государственным структурам и образованиям.

Несомненно, что образование гражданской идентичности невозможно без позиционирования личностью себя в составе нации в целом, что основано на общечеловеческих, общекультурных, общесоциальных нормах и ценностях. И развитие гражданской идентичности происходит с юного возраста, поэтому ведущая роль в этом процессе отводится системе образования. Таким образом, гражданская идентичность выступает основной движущей силой в воспитании молодого поколения.

Определённые изменения, происходящие в современном обществе, непосредственно сказываются на сознании общества в целом, его социальных слоёв и групп. Это приводит к утрате многими представителями общества объектов их идентификации, социальной ориентации. Как следствие - проблемы национальной идентичности и национального самосознания.

Вследствие этих процессов индивид пытается найти группу, которая даст возможность для самоидентификации индивида, его развития в обществе. Чаще всего данную группу субъект находит в культуре, в нации, в этносе. Этнос является наиболее устойчивой общностью, которая обладает общими позициями в культуре, психологии. Опираясь на культуру, зарождается компонент идентичности – патриотизм. Патриотизм выступает комплексной совокупностью определённых качеств индивида и определяется не только как чувство любви к Родине, а также как определённые моральные и нравственные, поведенческие установки, которые нацелены на патриотические действия и патриотические ценности. Если человек воспитан на основе определённой культуры, то он может совершать только действия, поступки, не противоречащие данным базовым ценностям.

В современном обществе, где для индивидов характерен кризис идентичности, процесс идентификации должен быть осуществлён по двум направлениям одновременно: по национальному и по культурному признаку.

И только совпадение данных двух направлений: культурного и национального является тем скрепляющим материалом, который удерживает от разрушения нацию.

Список использованных источников

1. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость:[Текст]: / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся : ежегодник. - Москва : Academia, 2002. - С. 213-244.

2. Иванова Н. Л. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях / Н. Л. Иванова, Г. Б. Мазилова // Вопросы психологии. - 2008. - № 2. - С. 83-93.

3. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) [Электронный ресурс] / Р. Ю. Шикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2009. - № 1. - Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnostsotsiologicheskiiy-aspekt>.

4. Шуклинова М. В. Кризис идентичности как проблема национально-культурного самоопределения индивида / М. В. Шуклинова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / № 4 2009 - Культурология.

5. Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России : автореф. дис. канд. полит. наук : 23 00 02 / Михаил Анатольевич Юшин. - Тула, 2007. - 22 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

ЯНОВСКАЯ Л. В.,
*Доцент, канд. психол. н., доцент кафедры психологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

«КОМПЛЕКС СВЕРХЧЕЛОВЕКА» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СТРУКТУРНОЙ ДЕФОРМАЦИИ Я-КОНЦЕПЦИИ

ЯНОВСКИЙ М. И.,
*Доцент, канд. психол. н., доцент кафедры психологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Если рассматривать идентичность с точки зрения как она представлена на уровне индивидуального самосознания, то это будет не что иное как Я-концепция. Поэтому для понимания процессов, происходящих с идентичностью, продуктивно было бы анализировать феномены, наблюдающиеся на уровне Я-концепции.

Я-концепция имеет не только определенное содержание, наполнение, но и структуру. В частности, в Я-концепции разделены морально позитивный и морально негативный полюса, в форме Я-идеала и Я-антиидеала. При этом в нормальном самосознании Я-реальное отделено от обоих полюсов. Тем самым создается структура самосознания, в которой у субъекта есть способность к критичной моральной рефлексии себя, а шкала «идеал – антиидеал» становится меркой для морального «промеривания» своего реального Я.

Какие возможны деформации в этой трехкомпонентной структуре? Рассмотрим один крайний вариант деформации. Представим себе, что происходит сближение, установление корреляции всех данных трех компонентов друг с другом, своего рода «слипание» идеала и антиидеала, а также Я-реального с идеалом и антиидеалом. Что это могло бы означать?

Во-первых, это была бы потеря способности к моральной рефлексии, поскольку шкала «идеал – антиидеал» схлопывается, и исчезает различие «хорошего» и «плохого».

Во-вторых, исчезла бы перспектива морального развития личности, мотивация к изменению, поскольку исчезла бы дистанция между Я-реальным и идеалом. Свое наличное моральное состояние человек расценивал бы как достаточное, равное идеалу.

В-третьих, исчезли бы моральные запреты, барьеры, поскольку исчезло бы дистанцирование Я-реального от антиидеала. Любое аморальное действие не расценивалось бы как недопустимое.

Отсутствие моральной рефлексии, моральная самодостаточность (недоступность критике), готовность к аморальным действиям – такой образ рисуется в итоге. Фактически это деградация самосознания, низведение его на дочеловеческий уровень. Однако само для себя такое самосознание по-видимому, напротив, близко к идеальному состоянию, поскольку дистанция между Я и идеалом в нем исчезает. Такое самосознание идеализировало бы себя и существовало в режиме вседозволенности. На наш взгляд, человек с таким самосознанием чувствовал бы себя «сверхчеловеком».

Поэтому назовем такую гипотетическую структуру Я-концепции «комплексом сверхчеловека».

Существенное следствие, которое может вызывать данная деформация Я-концепции – это, помимо стирания граней между добром и злом, стирание грани между реальностью и идеальным (и антиидеальным). Кроме того, что такой человек становится подобием злодеев из фильмов ужасов, он еще и оказывается замкнутым, в силу стирания грани реального и идеального, в виртуальный мирок, и потому не только а-рефлексивен, но нечувствителен к реальному опыту и недоступен коррекции.

Мы наблюдали временный эффект сдвига Я-концепции в сторону «комплекса сверхчеловека», с описанной структурой, в эксперименте с просмотром голливудского фантастического кинобоевика. Проведенные методики на Я-концепцию диагностировали возникновение прямых корреляций Я реального, Я-идеала и Я-антиидеала. Спецификой фильма было однозначное противопоставление идеальных героев злу, которое в фильме было низшим во всех смыслах: моральном, интеллектуальном, биологическом (гигантские насекомые, жуки). Конечно, зритель отождествлялся с идеальными героями. Но, поскольку противостоящее героям зло было именно низшее, а не иное по качеству, то зритель отделял себя от образов зла не качественно, а количественно. В результате этого вероятно происходило, на уровне качеств, стирание границы между образом

себя и образом низшего, временная парадоксальная их взаимодиффузия, вплоть до отождествления. Можно предположить, что в сознании данный процесс презентирован как сложное сочетание переживания гордости с переживанием своей «низости», своего рода бунт низа. Характерно проявление в данных еще одного эффекта: обратной корреляции «силы» Я-реального и «силы» Я-антиидеала. Это означает, что самоутверждение, возвышение Я в «комплексе сверхчеловека» опирается на унижение врага. Пока такое унижение не состоялось, комплекс неполноценен. В этом смысле «комплекс сверхчеловека» – это видоизмененный (через гиперкомпенсацию) «комплекс неполноценности».

В целом исследование показало существование феномена структурных трансформаций Я-концепции.

Теоретически возможно, что и этническая идентичность может при определенных условиях вырождаться в подобный «комплекс сверхчеловека». Вероятно, это происходило с жителями Германии 30-х годов прошлого века. Возможно, это происходит с обандеренной частью населения Украины. В этом случае «комплекс сверхчеловека» индуцируется идеологической системой, или картиной мира, где так же, как в вышеописанном голливудском фильме, рисуются идеальные герои, борющиеся со злом, которое является низшим в моральном, интеллектуальном и биологическом смыслах.